

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсяцъ . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсяцъ . . 4 р. — к.

Отдѣльн. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсяцъ . . 6 р. —

на 6 мѣсяцъ . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Поварской пер. д. 5, кв. 41.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.

Поварской пер., д. 5, кв. 41, а

также въ книж. маг., Волы-

фа, Нев., Гостин. дв. № 18.

Въ Томскѣ—въ книжномъ

магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ

Редакціи газеты «Сибирь».

Въ Омскѣ—въ книжн. ма-

газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Аннамо-французо-китайскій вопросъ. *Мао-Линь*. — Хроника. — Корреспонденціи: изъ городовъ Чугучака, Томска, Иркутска, Красноярска, Енисейска и Павлодара. — Народно-областное начало въ русской исторіи. — Изъ посмертныхъ стихотвореній *И. В. Оммулевскаго* * * *. — Карантинъ, или борьба съ эпизоотіей. *Сибирскаго юмориста*. — Хроника жизни за недѣлю.

Продолжается ПОДПИСКА на „Восточное Обозрѣніе“ 1884 г.

АННАМО-ФРАНЦУЗО-КИТАЙСКІЙ ВОПРОСЪ *).

I.

Уже болѣе 2-хъ лѣтъ, какъ вниманіе лицъ, слѣдящихъ за политическими судьбами Востока, обращено на событія, совершающіяся въ одномъ изъ отдаленныхъ угловъ юго-восточной Азіи—событія, которыя, имѣя серьезное торгово-политическое значеніе не только для однихъ непосредственно заинтересованныхъ въ немъ сторонъ, но и для всѣхъ другихъ державъ, стремящихся къ отысканію новыхъ рынковъ для своей чрезмѣрной производительности, представляютъ въ то же время несомнѣнный интересъ для науки международнаго права, затрогивая одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ его — опредѣленіе признаковъ, характеризующихъ вассальныя владѣнія въ ихъ отношеніяхъ къ своимъ сюзеренамъ на китайскомъ Востокѣ. Страна, возбуждающая такой двойственный интересъ, есть Аннамъ, который, не смотря на энергическій протестъ со стороны Китая, въ теченіе вѣковъ привыкшаго видѣть въ немъ вассала и оплотъ для своихъ юго-западныхъ провинцій, по договору, заключенному 13-го (25-го) сентября 1883 г. въ Хюэ, обращенъ Франціею чуть не въ колониальную провинцію республики. Но прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію французо-аннамо-китайскаго вопроса съ торгово-политической и международной точекъ зрѣнія, мы считаемъ нелишнимъ предварительно сказать нѣ-

сколько словъ какъ объ отношеніяхъ Аннама къ Китаю съ древнѣйшихъ временъ до настоящей поры, такъ и о дѣятельности въ немъ французовъ, предшествовавшей настоящимъ событіямъ.

Китай, привыкшій считать чуть не всѣ народы міра, приходившіе съ нимъ хотя въ какое нибудь даже случайное соприкосновеніе, своими вассалами, тѣмъ съ большею силою старался проводить этотъ принципъ по отношенію къ владѣніямъ, лежавшимъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нимъ и искавшимъ у него помощи и защиты во взаимной борьбѣ съ своими соперниками. Къ разряду этихъ сосѣдей, съ раннихъ поръ поднавшихъ подъ вліяніе Китая, относится Аннамъ.

Если вѣрить китайскимъ сказаніямъ, Аннамъ уже за 200 лѣтъ до Р. Хр., при династіи Цинь, сдѣлался добычею своего могущественнаго сосѣда Китая и вошелъ въ составъ области Сянъ. При ханьскомъ императорѣ I—ци (140—87 г. до Р. Хр.), онъ также составлялъ китайскую провинцію съ именемъ Цзяо-чжи; затѣмъ, при послѣдующихъ династіяхъ, онъ продолжалъ составлять нераздѣльную часть китайской имперіи съ званіемъ области или воеводства. Въ 679 году, въ царствованіе въ Китаѣ династіи Танъ, Аннамъ впервые является подъ своимъ настоящимъ названіемъ, но съ титуломъ не королевства, а аннамскаго воеводства (Ань-нань-ду-ху-фу). Въ X столѣтіи, въ періодъ пяти династій, когда Китай, раздираемый внутренними смутами и междоусобицей, не имѣлъ времени заниматься своими окраинами, Аннамъ въ-свобождается изъ-подъ зависимости Китая и образуетъ отдѣльное королевство, съ самостоятельнымъ правителемъ во главѣ; но при Сунской династіи мы видимъ его въ ряду вассаловъ Китая, и правитель его получаетъ отъ Богдохана инвеституру съ титуломъ короля Цзяо-чжи. Смѣнявшіе за тѣмъ другъ друга узурпаторы, по сказаніямъ китайскихъ

*) Намъ не разъ спрашивали: «почему вы въ «Вост. Обзор.» не касаетесь тонкинскаго вопроса? Отвѣтъ простой: «потому что никогда не беремъ говорить о чемъ либо поверхностно». Настоящая статья, доставленная намъ отъ одного изъ знатоковъ китайскихъ событій, исторіи и жизни, полагаемъ, будетъ для читателей полезнѣе той вздорной болтовни о китайскихъ дѣлахъ, какою наполняется большинство столичныхъ газетъ.

историковъ, всё признавали себя вассалами Китая. Въ XIII столѣтіи китайскій Богдоханъ, изъ монгольской династіи, Мункэ предпринялъ походъ противъ Аннама; окончившійся поражениемъ послѣдняго, бѣгствомъ короля и возведеніемъ на аннамскій престолъ сына его. Въ началѣ XV вѣка, съ воцареніемъ въ Китаѣ династіи Минъ, въ отношеніяхъ къ нему Аннама не произошло никакихъ измѣненій; онъ попрежнему оставался покорнымъ вассаломъ сына неба, отъ котораго повелители Аннама получали инвеституру и даже печать на королевское достоинство. При Чэнь-цзу, второмъ государѣ династіи Минъ, когда Аннамъ сдѣлался добычею узурпатора Ли-цзи-ли, свергнушаго съ престола законнаго владѣтеля Ыи-хуня, для восстановленія нарушенныхъ правъ его и наказанія мятежника Богдоханъ, въ качествѣ сюзерена, отправилъ въ 1407 году армию въ Аннамъ; результатомъ этого похода было взятіе въ плѣнъ узурпатора вмѣстѣ съ сыномъ; вслѣдъ за симъ изданъ былъ указъ о восстановленіи на аннамскомъ престолѣ потомковъ законнаго владѣтеля, но такъ какъ таковыхъ не оказалось, то Аннамъ былъ включенъ въ китайскую имперію съ раздѣленіемъ на 17 областей и 7 округовъ. Но въ 1427 г. одинъ изъ потомковъ узурпатора Ли обратился къ китайскому двору съ просьбою о восстановленіи самостоятельности Аннама подъ скипетромъ отысканнаго имъ законнаго потомка аннамскихъ королей Чэня; просьба была уважена, богдоханскимъ указомъ Чэнь былъ признанъ въ достоинствѣ аннамскаго короля, но вскорѣ за тѣмъ свергнутъ съ престола тѣмъ же самымъ Ли, который, по представленіи китайскому богдохану извинительнаго адреса, признанъ былъ въ достоинствѣ короля. Съ тѣхъ поръ до конца царствованія минской династіи Аннамъ, по сказанію историковъ, не переставалъ признавать своей зависимости отъ Китая и неукоснительно отправлялъ къ сюзеренному двору посольство съ данью.

Съ воцареніемъ настоящей династіи, во время усмиренія Юнь-нани, при императорѣ Канъ-си, аннамскій король, вѣроятно, изъ опасенія утратить свою самостоятельность и сдѣлаться добычею Китая, предпочелъ отправить въ китайскую главную квартиру посла и получить инвеституру отъ Богдохана съ обязательствомъ присылать къ сюзеренному двору дань, однажды въ каждые три года. Отношенія эти продолжались безъ измѣненія и при послѣдующихъ императорахъ настоящей династіи до вступленія на престолъ Тунъ-чжи, при которомъ, по просьбѣ аннамскаго короля, генераль Фынъ-цзы-цай трижды вступалъ въ предѣлы Аннама для истребленія разбойничьихъ шаекъ, образовавшихся тамъ изъ остатковъ тай-пиновъ, магометанъ и разныхъ бродягъ, искавшихъ спасенія отъ угрожавшей имъ кары законовъ на своей родинѣ. Изъ этого сброда, осѣвшаго въ сѣверномъ Аннамѣ, образовались пріобрѣтшіе въ настоящее время всемірную извѣстность, такъ называемые, Черные и Желтые флаги, разбѣи которыхъ почти совершенно парализовали торговое движеніе между Тонкиномъ и южными провинціями Китая. Послѣднія посольства аннамскихъ королей къ китайскому двору были уже на нашихъ глазахъ въ семидесятыхъ годахъ.

Изъ этого краткаго историческаго очерка отношеній Аннама къ Китаю, за періодъ времени въ 2,000 лѣтъ, мы видимъ, что эти отношенія являются подъ двумя формами, а именно: или Аннамъ былъ совершенно поглощаемъ Китаемъ и составлялъ нераздѣльную часть его подъ видомъ области или

воеводства съ раздѣленіемъ на округа и уѣзды, или же, и чаще всего, онъ находился въ извѣстномъ положеніи къ нему, но съ сохраненіемъ полной самостоятельности не только во внутренней, но и во внѣшней своей политикѣ. Повелители Аннама совершенно независимо располагали военными силами страны, вели войны и заключали союзы съ своими сосѣдями по собственному усмотрѣнію, въ всякаго вліянія со стороны Китая, и въ то же время не спѣшили на помощь къ Сыну Неба въ случаѣ угрожавшей его трону опасности; а между тѣмъ, по ученію международнаго права, права объявленія войны, заключенія мира и союзовъ и распорядженія военными силами страны являются существенными и основными признаками, характеризующими самостоятельные и независимые политическіе организмы, тогда какъ отсутствіе таковыхъ признаковъ низводитъ государства на степень полунезависимыхъ или вассальныхъ владѣній. Не имѣя никакого права, вопреки всѣмъ историческимъ даннымъ, не признавать за Китаемъ извѣстнаго рода главенства надъ Аннамомъ и подчиненности этого послѣдняго Китаю и въ то же время не находя въ международномъ правѣ формы, подъ которую бы подходили эти взаимныя отношенія, намъ по необходимости приходится допустить новый, совершенно неизвѣстный наукѣ международнаго права и исключительно свойственный китайскому востоку видъ подчиненія одного политическаго организма другому, видъ, имѣющій свои спеціальныя признаки, а именно: владѣтели такихъ странъ въ своихъ обращеніяхъ къ Богдохану именуютъ себя подданными, получаютъ отъ него инвеституру и печать на королевское достоинство и присылаютъ къ верховному двору дань, хотя и ничтожную, въ извѣстные опредѣленные сроки. Не думаемъ, чтобы какое либо государство, принявшее на себя по отношенію къ другой державѣ подобнаго рода уничижительныя обязательства, даже при сохраненіи самостоятельности во внутренней и внѣшней политикѣ, могло быть разсматриваемо, какъ совершенно независимый политическій организмъ. Если мы вникнемъ глубже въ смыслъ этихъ обязательствъ, то мы увидимъ въ нихъ нѣчто болѣе формальнаго, если можно такъ выразиться, платоническаго признанія верховности, какъ думаютъ нѣкоторые; лицо, именуемое себя подданнымъ другому лицу, этимъ самымъ лишаетъ себя возможности уступить свои права, или даже часть ихъ третьему лицу, не нарушая своихъ обязательствъ по отношенію ко второму лицу. Исходя изъ вышеизложенныхъ положеній, мы не можемъ не признать, что Франція, вынудившая аннамскаго короля къ заключенію договора, фактически уничтожающаго независимость Аннама, какъ самостоятельнаго политическаго организма, этимъ самымъ заставила его нарушить свои обязательства подчиненія въ отношеніи къ китайскому богдохану и такимъ образомъ нанесла ущербъ его правамъ. Замѣнивъ короля въ управленіи его страной, она, если разсуждать логически, собственно должна была бы принять на себя и всѣ обязательства, при которыхъ онъ управлялъ страной. Таковы, по крайней мѣрѣ, теоретическіе выводы, вытекающіе въ данномъ случаѣ изъ условій, въ которыхъ Аннамъ въ теченіе вѣковъ стоялъ по отношенію къ Китаю.

Обращаясь къ политикѣ Франціи въ Аннамѣ мы находимъ безъполезнымъ бросить бѣглый взглядъ на взаимныя между ними отношенія, предшествовавшія возникновенію настоящаго усложненія. Оставляя въ сторонѣ фактъ воспита-

новленія Франціею въ прошломъ столѣтїи законнаго владѣтеля Аннама на престолѣ его предковъ, мы обратимся къ фактамъ болѣе позднѣйшимъ, находящимся въ непосредственной органической связи съ настоящими событіями.

Въ 1859 году французская экспедиція отправилась въ Аннамъ для полученія удовлетворенія за жестокое обращеніе съ христіанами и, въ качествѣ залога за военную контрибуцію, овладѣла Нижнею Кохинхиною. Занятый войною съ союзниками и обуреваемый возстаніями тай-пиновъ и нинь-фэй'евъ, Китай не имѣлъ времени протестовать противъ подобнаго захвата. Въ 1862 г. Франція, при посредствѣ адмирала Бонара, заключила съ Аннамомъ договоръ, по которому Кохинхина присоединена была къ французской коронѣ. Ставъ твердою ногою на берегахъ Мэйконга, Франція дѣйтельно занялась изученіемъ своего новаго пріобрѣтенія съ его естественными богатствами, съ прилегающими къ нему странами и въ особенности съ путями сообщенія, ведущими къ богатѣйшимъ и производительнымъ провинціямъ южнаго Китая Юнь-нань и Сы-чуань. Такъ, въ іюль 1866 года изъ Сайгона выступила извѣстная экспедиція подъ начальствомъ отважнаго командира судна г. Делягрэ, для изслѣдованія Мэйконга. Послѣ страшныхъ, почти не челоуѣческихъ, усилій ей удалось, наконецъ, достигнуть провинціи Юнь-нань, откуда по Цзяну (Голубой рѣкѣ) экспедиція возвратилась съ останками своего славнаго начальника въ Сайгонъ. Личное ознакомленіе этой экспедиціи съ неисчерпаемыми богатствами южнаго Китая и убѣжденіе въ совершенной непригодности Мэйконга для судоходства заставило Францію обратитъ вниманіе на Сонкой или Красную рѣку, какъ наиболѣе удобный путь къ богатствамъ южнаго Китая. Совершенною пригодностью этого пути доказала экспедиція, отправившаяся 13-го (25-го) октября 1872 г. изъ Гонконга подъ начальствомъ Дюпюи съ военными матеріалами для китайскихъ силъ, дѣйствовавшихъ въ Юнь-нани противъ магометанъ. Полный успѣхъ этой экспедиціи еще болѣе поднялъ въ глазахъ французовъ высокое значеніе для торговли новаго пути. Дальнѣйшія изслѣдованія Красной рѣки, предпринятія по инициативѣ генераль-губернатора въ Сайгонѣ, подтвердили вполне справедливость свѣдѣній экспедиціи Дюпюи. Результатомъ всего этого было заявленіе бывшаго въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ герцога Деказа, что сѣверная Кохинхина составляетъ одну изъ самыхъ богатѣйшихъ провинцій Аннама, но что развитію въ ней торговли до сихъ поръ препятствовали грабежи и разбои китайскихъ бандитовъ и пиратовъ; большія матеріальныя жертвы, понесенныя Франціею для подавленія этихъ разбоевъ, даютъ ей право на присоединеніе этой страны. Палата изъявила на это свое согласіе и съ Аннамомъ былъ заключенъ въ 1874 г. дополнительный договоръ въ 22-хъ статьяхъ. 2-ю изъ нихъ аннамскій король признанъ былъ независимымъ владѣтелемъ, и традиціонныя союзныя права Китая были совершенно игнорированы; этою же статьею Франція обѣщала свой протекторатъ Аннамъ. По 12-й ст. Франція пріобрѣла право торговаго плаванія по Красной рѣкѣ и такимъ образомъ первая открыла для всемірной торговли ближайшій путь къ южному Китаю. Послѣ ратификаціи этого договора французскій повѣренный въ дѣлахъ нотою извѣстилъ китайское правительство о совершившемся фактѣ. Въ своей отвѣтной нотѣ китайское правительство заявило протестъ противъ состояв-

шагося соглашенія, мотивированный тѣмъ, что Аннамъ состоитъ въ ленной зависимости отъ Китая; но протестъ этотъ, какъ видно, оставленъ былъ безъ всякаго вниманія. Какъ бы то ни было французское правительство рѣшилось дѣйствительно воспользоваться правомъ плаванія по Красной рѣкѣ, предоставленнымъ ему помянутымъ договоромъ. Но встрѣчая постоянное препятствіе въ пользованіи выговореннымъ имъ правомъ въ разбояхъ, производимыхъ въ бассейнѣ рѣки шайками, образовавшимися изъ остатковъ китайскихъ инсургентовъ, обжавшихъ въ предѣлы Аннама, мѣстныхъ негодяевъ и всякаго другаго сброда, французское правительство безъ вѣдома китайскаго рѣшилось положить конецъ этой неурядицѣ отправленіемъ въ 1881 году отряда на Красную рѣку въ Тонкинъ. На запросъ, сдѣланный по этому поводу китайскимъ представителемъ при французской республикѣ, полученъ былъ отвѣтъ, что отправленіе экспедиціоннаго отряда не затрагиваетъ интересовъ Китая и вовсе его не касается, такъ какъ по договору, заключенному съ Франціею, Аннамъ признанъ владѣніемъ независимымъ, подъ протекторатомъ (?) республики. Отвѣтъ Китая не трудно предугадать: онъ состоялъ, вѣроятно, въ указаніи на то, что протекторатъ Китая надъ Аннамомъ гораздо старѣе французскаго и считается не годами, а цѣлыми столѣтіями. Взятіе французскимъ отрядомъ нѣкоторыхъ пунктовъ въ Тонкинѣ побудило, однако, китайское правительство къ новому болѣе энергическому протесту, который, говорятъ, также долгое время оставался безъ отвѣта. Когда же Китай, подъ предлогомъ подавленія не существующихъ безпорядковъ на границахъ Аннама въ Юнь-нани и Гуань-си, отправилъ туда свои войска, то правительство республики предписало своему представителю при дворѣ Богдохана вступить съ китайскимъ правительствомъ въ переговоры по аннамскому вопросу, результатомъ которыхъ была конвенція въ 3-хъ статьяхъ, заключенная отъ имени Китая генераль-губернаторомъ столичной провинціи Ли-хунъ-чжаномъ. По 1-й изъ нихъ Китай обязывался вывести свои войска изъ сѣвернаго Аннама, подъ условіемъ непосягательства Франціи какъ на него, такъ и вообще на уничтоженіе власти аннамскаго короля. По 2-ой статьѣ, мѣстечко Бао-шэнъ, лежащее на границѣ Юнь-нани, признано открытымъ для торговли пунктомъ; а 3-ею статьею Китай и Франція условились взаимно охранять территориальную неприкосновенность Аннама. Конвенція эта не была, однако, признана новымъ французскимъ правительствомъ и военныя операціи въ Аннамѣ возобновились, результатомъ которыхъ было взятіе Ханой'я и Намъ-дина. Не смотря, однако, на серьезный отпоръ, встрѣченный слабымъ французскимъ отрядомъ со стороны Черныхъ флаговъ подъ предводительствомъ китайца Лю юнь-фу, по послѣднимъ извѣстіямъ не имѣющихъ ничего общаго съ тай-пинами, аннамскій король вынужденъ былъ заключить съ республикою договоръ 19-го сентября 1883 г. въ Хюэ, уничтожавшій Аннамъ, какъ самостоятельную политическую единицу и обращавшій его почти въ колониальную провинцію Франціи.

Мао—линь.

(Продолженіе будетъ).

ХРОНИКА.

Мы получили извѣстіе, что въ московской колоніи сибиряковъ, уже достаточно заявившей о своей отзывчивости на нужды ихъ родины, возникла счастливая мысль ознаменовать какимъ либо добрымъ дѣломъ предстоящее въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ открытіе сибирскаго университета. Нужды этого учрежденія, которому придется быть на долгое время не только единственнымъ центромъ науки въ этомъ далекомъ краѣ, но и центромъ просвѣщенія во общец, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. включая сюда рядомъ съ наукой и искусство, такъ велики и разносторонни, что не можетъ встрѣтиться никакихъ затрудненій при выборѣ формы, въ которой бы могло выразиться участіе сибиряковъ въ этомъ знаменательномъ для ихъ родины событіи.

Привѣтствуя отъ души эту благую мысль нашихъ земляковъ и желая скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго ея осуществленія, мы не можемъ не выразить пожеланія, чтобы этотъ добрый примѣръ нашель себѣ отголосокъ и среди петербургскихъ сибиряковъ.

Въ Иркутскѣ служащими контрольной палаты собрано по подпискѣ 94 рубля въ пользу семьи покойнаго И. В. Омлевскаго. Деньги эти уже переведены въ нашу редакцію для передачи вдовѣ писателя.

Вотъ списокъ жертвователей: Н. А. Кузнецовъ 50 р., О. А. Сизыхъ 10 р., С. Ч. Москвинъ 10 р., К. С. Литвинцевъ 4 р., Н. К. Токаревъ 3 р., диаконъ Копыловъ 1 р., священникъ Знаменскій 1 р., Немо 1 р., М. П. Безобразовъ 1 р., С. Н. Аргуновъ 1 р., П. И. Мальцевъ 1 р., В. Е. Котельниковъ 1 р., А. Е. Котельникова 1 р., А. А. Бѣло—въ 2 р., А. М. Молевъ 1 р., Григоровской 1 р., Нѣкто 3 р., И. Москвинъ 1 р. Итого 94 р. Затѣмъ въ редакціи получено изъ Тюмени отъ Е. Ф. Овечкина—2 р., отъ А. И. Ефимова 5 р., въ Петербургѣ отъ сибиряка—100 р., отъ Хахлова изъ Зайсана 2 р., отъ Яновскаго 5 р., отъ Б. Т. Косицкаго 5 р., изъ Енисейска отъ Скорнякова 5 р.

Въ виду проявленія пожертвованій въ пользу семьи покойнаго Омлевскаго и сочувствія къ ней въ гор. Иркутскѣ, газета «Сибирь» дѣлаетъ заключеніе, что, судя по той отзывчивости и чувствамъ, которыя выражены въ данномъ случаѣ, едва ли сибирское общество въ нынѣшнемъ составѣ заслуживаетъ упреки въ черствости и безсердечіи, какъ и въ отсутствіи филантропіи, что ему когда то приписывалось.

Мы, въ числѣ первыхъ, отмѣчали ошибку такого огульнаго обвиненія всего населенія. Ради безпристрастія и полезныхъ социологическихъ выводовъ мы совѣтовали бы однако различать проявленіе этихъ чувствъ въ различныхъ слояхъ общества.

Несомнѣнно, гражданское чувство долга, благородные порывы, признаніе ума и таланта начинаютъ проявляться въ сибирскомъ обществѣ (хотя и очень недавно). Эти проявленія жизни, въ первый разъ послѣ 300-лѣтняго дѣтскаго сна, какъ крикъ новорожденнаго младенца, будятъ сладкія чувства въ груди каждаго патріота и заставляютъ его не терять вѣры въ будущее. Эти свѣтлыя явленія жизни мы никогда не прочь отличать. Но это же не должно исключать извѣстной строгости и критическаго отношенія къ себѣ, что можетъ служить еще лучшимъ задаткомъ совершенствованія и прогресса. Не можемъ не сопоставить отношенія неразвитой Сибири къ смерти нашего бѣднаго поэта съ такимъ же отношеніемъ петербургскаго журнала, гдѣ поэтъ работалъ около 20 лѣтъ, и безцеремонно эксплуатировался. Журналъ чрезъ 2 мѣсяца удостоилъ его небрежнымъ некрологомъ и замѣткой о ничтожности таланта: это урокъ сибирякамъ, ищущимъ славы и большаго плаванія въ столицахъ.

Въ 52 № нашей газеты, въ статьѣ по университетскому дѣлу въ Сибири, мы коснулись вопроса, возбужденнаго томскимъ городскимъ головой Михайловымъ по поводу претензіи на неприглашеніе его въ строительный комитетъ по возведенію зданій сибирскаго университета, для участія въ дѣлахъ комитета. Министерство народнаго просвѣщенія, какъ извѣщаютъ насъ, разсмотрѣвъ пред-

ставленіе строительнаго комитета по вышеозначенному предмету, вполне раздѣляетъ тотъ взглядъ, что Михайловъ, какъ подрядчикъ, не можетъ участвовать въ комитетѣ, въ качествѣ члена или представителя отъ города, подобно покойному Цибульскому, который въ этомъ случаѣ отличался своими крупными пожертвованіями на дѣло общаго блага Сибири. Что же касается избранія въ члены другихъ лицъ по выбору думы, то это обстоятельство, по мнѣнію министерства, въ настоящее время не вызывается необходимостью, тѣмъ болѣе, что составъ комитета ясно опредѣленъ въ § 2 инструкціи строительному комитету для возведенія зданій сибирскаго университета.

Мы получили письма изъ Томска съ сожалѣніями, что этимъ рѣшеніемъ городъ лишился представительства въ комитетѣ, имѣя на это нѣкоторое право. Да кто же виноватъ, что городъ въ свои представители не нашель избрать никого лучше какъ подрядчика. Кажется, кто то даже предсказывалъ о печальныхъ результатахъ такого избранія. Не помнимъ только кто.

Извѣстный писатель и этнографъ, посвятившій немало труда для изученія Сибири, С. В. Максимовъ напечаталъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» новые талантливые очерки жизни и положенія Сибири. Авторъ очерковъ, съ свойственнымъ ему знаніемъ дѣла, даетъ мѣткую характеристику торговыхъ отношеній къ Сибири Москвы, доселѣ претендующей на промышленныя благодѣанія. Эти замѣчательныя наблюденія авторитетнаго писателя, притомъ же не—сибиряка, трудно заподозрѣвать въ односторонности.

«Москва, по его мнѣнію, устроила свои дѣла въ Сибири такъ, что вся страна работаетъ на нее и для этой цѣли кабанить себя три раза въ годъ: у себя дома передъ открытіемъ навигаціи, на Нижегородской ярмаркѣ и на Ирбитской и Крестовской ярмаркахъ. Особенно наваливается красный товаръ, причѣмъ открывается широкій кредитъ. Замѣчательно, что въ одномъ Иркутскѣ состоитъ одного вексельнаго долга до 10 милл., что, по разверсткѣ на всѣхъ городскихъ жителей, даетъ курьезную цифру 250 р. на каждаго и показываетъ, до какой степени сильна московская кабала и экономическое рабство».

Намъ пишутъ изъ Восточной Сибири: «Вскорѣ Иркутску предстоитъ быть свидѣтелемъ казни надъ разбойникомъ Алифановымъ и товарищемъ его Саковскимъ. Это будетъ четвертая и пятая казни въ послѣдніе два года! Неизвѣстно, какое впечатлѣніе производятъ эти казни на непривычную къ такимъ зрѣлищамъ глухую провинцію, и не жалкій ли палліативъ всѣ эти строгости и казни, когда нѣсколько не измѣняются условія жизни, создающія Алифановыхъ и Кириченко? На той же почвѣ являются, вмѣсто однихъ Алифановыхъ и Кириченко, другіе, вмѣсто нелегальныхъ, менѣе опасныхъ—открытые и болѣе опасные, подъ которыхъ не подкопаешься; мѣсто ихъ среди Кириченко и Алифановыхъ, а мы ихъ видимъ... Въ старое время люди, не получивъ нигдѣ защиты противъ картушей, поднимались сами на грозную расправу съ ними, доходя до этого путемъ долгаго мирнаго исканія своего права и человѣческой правды. И что мудренаго, если тождественныя условія приведутъ и теперь къ такимъ же печальнымъ результатамъ. Только путемъ гласнаго и равнаго для всѣхъ суда, путемъ развитія свободы нашей печати и образованія въ народѣ, освобожденія человѣческой личности отъ всевластія держимордъ достижимо очищеніе почвы, производящей Алифановыхъ и Кириченко. Нравы, составляющіе почву для насилій, къ сожалѣнію, вошли въ нашу плоть и кровь, и ихъ дезинфекція дѣло далеко не легкое. Сами представители городского самоуправленія нерѣдко не прочь изобразить держимордъ или играть послѣднимъ въ руку и, вмѣсто добросовѣстной защиты интересовъ гражданъ отъ нелѣпныхъ требованій, съ готовностью, съ лакейской услужливостью выдаютъ эти интересы за одинъ милостивый взглядъ. И нерѣдко почтенный представитель десятковъ тысячъ гражданъ доводитъ себя до того, что держиморда, когда этотъ злочастный «представитель» попадетъ къ нему не въ часъ, гонить его чуть не въ шею отъ себя!»

Представители капитала въ Сибири, мнящіе себя представителями образованнаго общества, готовы часто пускать въ ходъ грубое

насиліе. Такъ, въ Восточной Сибири одинъ изъ служителей меркурія, извѣстный подъ именемъ «Долби—неймется», былъ сильно затронутъ замѣткой о немъ въ газетѣ; ему совѣтуютъ, если онъ правъ, напечатать возраженіе, но онъ отвѣчаетъ: «знаю я, что эту замѣтку писали М-я да П., такъ вотъ я имъ чѣмъ отвѣчу», и вертитъ въ воздухѣ тяжелымъ кулакомъ. «За челоуѣка стыдно» — перефразируемъ мы извѣстное восклицаніе. Не такъ страшны кулаки этого бездушнаго торгаша, какъ эта бездна умственной и нравственной темноты, которая присуща именитому негоціанту.

Эти факты убеждаютъ, какъ Сибирь нуждается прежде всего въ умягченіи нравовъ и въ болѣе морализирующихъ средствахъ воспитанія.

Нѣкія власти въ Ушаковскѣ одно время придерживались тайной мысли, что чиновники особыхъ порученій безъ содержанія у насъ въ Сибири явленіе ненормальное, и избѣгали опредѣленія чиновниковъ на эти должности; нынѣ же, къ величайшему удивленію города, подобную должность занялъ пресловутый Б., слишкомъ извѣстный въ Ушаковской губерніи.

Изъ Балаганскаго округа насъ просятъ оповѣстить, что давно бы слѣдовало обратить вниманіе на жалобы балаганскихъ инородцевъ и произвести тщательный учетъ прежнихъ приходо-расходчиковъ.

Намъ пишутъ, что на акмолинскаго уѣзднаго пачальника поступило много жалобъ отъ населенія, такъ что въ уѣздѣ наѣхала даже цѣлая коммиссія для слѣдствія. Можно было ожидать недоброжелательства жалобъ уже по тому одному, что названнымъ начальникомъ сталъ строиться обширный домъ въ его резиденціи по плану, далеко выходящимъ изъ предѣловъ скромности.

Говорятъ, что туркестанскою администраціе израсходовано совершенно непроизводительно болѣе 300,000 рублей въ одинъ годъ на слѣдующія работы, которыя не привели ни къ какому результату: 1) на проведеніе новой дороги, правда весьма нужной, въ Коканъ черезъ мѣстечко Тилиу—дѣло это уже брошено; 2) на выписку вѣтрянаго двигателя—не дѣйствуетъ; 3) на рытье артезианскаго колодца у Мурза—работа производилась по ходжентской почтовой дорогѣ, въ теченіи года прорыто на 33 сажени, изъ числа которыхъ 15 сажени засосало уже пескомъ; 4) на постройку новаго моста черезъ Сыръ-Дарью на новой дорогѣ черезъ Тилиу—дѣло брошено, потому что и дорога никуда не годится; 5) на обдѣлку «головачевскихъ ключей»—дѣлали срубы съ цѣлію улучшенія въ нихъ воды, въ дѣйствительности же эти срубы—изъ свѣжаго тополеваго лѣса—сдѣлали воду горькою и непригодною къ употребленію.

Не везетъ Туркестану и Ташкенту по части техническихъ сооруженій! Какой-то фатальный рокъ препятствуетъ этому дѣлу нынѣ, какъ препятствовалъ и въ прежнее ярымпадишахствованіе (полуцарствованіе).

ЗА И ПРОТИВЪ.

Нѣсколько времени назадъ мы получили отчеты пермской экспедиціи о ссыльныхъ и тюремнаго попечительнаго комитета за 1880, 1881 и 1882 гг., причемъ намъ указали на существовавшую подрядную систему и представили выписку изъ печатнаго пермскаго отчета, гдѣ видно, что контрагенту переплачивали при прежней системѣ 62480 р. лишнихъ на арестантскихъ вещахъ. Намъ изъяснили, что поставка эта считалась выгодною до приѣзда нынѣшняго пермскаго губернатора, и подрядчикомъ былъ въ Перми купецъ Шевкуновъ. Препровождая намъ этотъ печатный документъ, доказывающій существовавшую систему заготовки, крайне не выгодною для казны, намъ писали: «но вотъ что странно, послѣ того, какъ подряды эти были признаны невыгодными въ Пермской губерніи (что доказываетъ переплата контрагенту и отчетъ директора Егорова за 1882 г.), дѣятельность г. Шевкунова была перене-

сена въ сосѣднюю губернію. Почему такое счастье выпало контрагенту Шавкунову, трудно сказать». Такъ какъ сибирскій городъ и губернія, куда перенеслась шевкуновская система, не были указаны, а сдѣланъ былъ только намекъ, то, признаться, мы, недоумѣвали, гдѣ это могло случиться, и просили сибирскихъ корреспондентовъ указать намъ. «Неужели подрядъ, обнаруженный въ Пермской губерніи, спрашивали мы, могъ быть перенесенъ въ Сибирь безъ явнаго сознанія убытка казнѣ и безъ какихъ либо особыхъ мотивовъ (можетъ быть въ виду заслугъ г. Шевкунова и т. п.)?»

На дняхъ мы получили, однако, довольно любопытное разъясненіе. Но не отсюда, откуда ждали, а отъ г. управляющаго приказомъ о ссыльныхъ, г. Кузовникова, изъ Тюмени. Онъ заявляетъ претензію, что статья эта направлена противъ него (совершенно напрасно, какъ увидимъ), съ очевидною цѣлью будто бы подорвать его служебное положеніе (предположеніе, совершенно ни на чемъ не основанное, такъ какъ мы свѣдѣнія получили не изъ Тобольской губерніи, а изъ Пермской, гдѣ соперниковъ у г. Кузовникова нѣтъ). Въ виду этого г. Кузовниковъ считаетъ себя обязаннымъ заявить, что во всемъ, касающемся его, нѣтъ ни слова правды и что въ поставкѣ вещей съ г. Шевкуновымъ ничего общаго онъ не имѣлъ и не имѣетъ, никакими *аферами* (а развѣ бываютъ такія при подрядахъ?) не занимался и не занимается и ни къ чему подобному неспособенъ, тѣмъ болѣе, что и средствъ никакихъ не имѣетъ, кромѣ содержанія по должности.

Охотно вѣримъ собственной рекомендаціи г. Кузовникова, вѣдь это самое убѣдительное доказательство, и заносимъ его мнѣніе о подрядахъ.

«Что же касается поставки арестантскихъ вещей для Тобольской губерніи, говоритъ г. Кузовниковъ, то все участіе въ этомъ приказѣ о ссыльныхъ состояло лишь въ томъ, что приказъ, на основаніи распоряженія тобольскаго губернскаго начальства, послѣдовавшаго за нѣсколько еще лѣтъ до моего поступленія на настоящую должность, составлялъ исчисленіе количества необходимыхъ къ заготовленію арестантскихъ вещей и кондиціи для производства торговъ, и затѣмъ все это представлялось въ Тобольскъ; вызовы же къ торгамъ желающихъ чрезъ публикаціи въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» Тобольской, и сосѣднихъ съ нею губерній, въ томъ числѣ Пермской, дѣлались тобольскимъ общимъ губернскимъ управленіемъ или губернскимъ совѣтомъ, гдѣ и производились самые торги. На этихъ торгахъ, бывшихъ въ 1880, 1881 и 1882 годахъ, поставка арестантскихъ вещей осталась за пермскимъ купцомъ Шевкуновымъ (значитъ это правда), какъ выясрившимъ низшія противъ прочихъ торговавшихся цѣны, которыя совѣтомъ бывшаго главнаго управленія Западной Сибири признаны были выгодными для казны, почему эта поставка и утверждена совѣтомъ за Шевкуновымъ. Затѣмъ поставленные Шевкуновымъ арестантскія вещи сдавались, какъ и прежними подрядчиками, въ Тюмени, гдѣ онѣ и подвергались предварительно освидѣтельствованію особой коммиссіи, состоявшей изъ членовъ приказа о ссыльныхъ, инспектора по пересылкѣ арестантовъ, окружныхъ: судьи, исправника и стряпчаго. Ко всему этому считаю не лишнимъ прибавить, что, какъ извѣстно, на каіе бы то ни было торги можетъ явиться, въ качествѣ конкурента, каждый, считающійся для того правоспособнымъ и представившій надлежащія залого, и что подрядъ, въ силу закона, утверждается за тѣмъ изъ соревнователей, кто объявитъ низшія противъ другихъ цѣны (формально это такъ!). Изъ этого становится очевиднымъ, что для того, чтобы получить подрядъ, не нужно обладать какимъ-то счастьемъ и нѣтъ никакой надобности ни въ особенномъ знакомствѣ съ обществомъ, ни въ протекціи, которыя тутъ вовсе не причемъ».

О, конечно! все это хорошо извѣстно людямъ, знакомымъ съ исторіей разныхъ подрядовъ. Настоящее *опроверженіе* г. Кузовникова интересно тѣмъ, что оно объявляетъ, куда подряды г. Шевкунова были перенесены изъ Пермской губерніи. Искренно благодарны г. Кузовникову. Больше мы ничего не имѣемъ прибавить.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

Чугучакъ (корресп. „Восточнаго Обозрѣнія“). Хебей-амбанъ Си-лунь, унаслѣдовавшій тарбагатайскій округъ отъ амбана Ина, смѣнившій за „неправильное веденіе пограничныхъ дѣлъ“ съ русскими, перенесъ резиденцію изъ Чугучака въ Дорбуиджинь, гдѣ выстроилъ крѣпость и водворился подалеже отъ русскаго вліянія. Всѣ свободныя деньги онъ употребилъ на устройство крѣпости и организацію тамъ войскъ. Все серебро ушло на военное дѣло; въ Чугучакѣ серебра нѣтъ; вмѣсто него появились ассигнаціи — тидзе, которыми въ громадномъ количествѣ обладаютъ преимущественно русско-подданные торговцы и промышленники. Такимъ образомъ безошибочно можно сказать, что серебро нашихъ подданныхъ ушло на содержаніе китайскихъ войскъ. Способъ этотъ довольно оригинальный: на русскія деньги содержать китайскія войска!

Теперь чугучакскіе китайцы заботятся обзавестись болѣе солиднымъ вооруженіемъ и болѣе эрудированными солдатами. У нихъ появилась уже артиллерія, и обученіе солдатъ начато регулярное. Такъ въ Дорбуиджинѣ оказались привезенными уже два орудія новѣйшей конструкціи. При орудіяхъ этихъ прибыли шесть человѣкъ инструкторовъ, которые, судя по типу, непохожему на китайскій, съ полною вѣроятностію могутъ быть отнесены къ европейцамъ. Инструкторы эти, прибывшіе для наставленія китайцевъ, какъ обращаться съ орудіями, производятъ нынѣ ученіе аккуратно по два раза въ день — утромъ и вечеромъ, тогда какъ ранѣе никогда у китайцевъ подобныхъ регулярныхъ занятій не существовало. Сколько намъ извѣстно, ученія и эволюціи самаго примитивнаго свойства производились ранѣе у китайцевъ по отношенію стрѣльбы изъ лука и мало изъ ружья только одинъ разъ въ теченіе двухъ недѣль, и то если позволяла погода. Такихъ же регулярныхъ ученій, какія производятся въ настоящее время, у китайцевъ Дорбуиджина не происходило со времени разрушенія Чугучака. Видимо, китайцы привезли учителей военного дѣла и рѣшились познакомиться основательно съ тѣмъ, чего не знали прежде.

Для формированія артиллерійскаго обоза китайцы закупаютъ самыхъ лучшихъ лошадей въ Чугучакѣ и Дорбуиджинѣ, изъ которыхъ часть оставляется въ Дорбуиджинѣ, а часть отправляется въ Кульджу и Шихо, для ремонта мѣстныхъ войскъ. Кромѣ того привезены лошади и изъ Баркуля для артиллерійской службы.

Томскъ (корреспонденція „Восточнаго Обозрѣнія“). Нашъ городъ въ дѣлѣ начального образованія, противъ прочихъ городовъ Сибири, идетъ широкими шагами, благодаря возникшему годъ тому назадъ обществу попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ, во главѣ котораго стоятъ энергичные дѣятели, искренно преданные дѣлу развитія мѣстнаго просвѣщенія. Изъ послѣдняго отчета совѣта общества видно, что общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ, считавшее, съ окончаніемъ 1882 года, первый годъ своего существованія, имѣло тогда 15 почетныхъ членовъ, 923 обыкновенныхъ и капиталъ въ 3,011 р. 57 к. — Избранный общимъ собраніемъ членовъ 23 января 1883 г. совѣтъ общества въ настоящемъ своемъ составѣ въ теченіе минувшаго года употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры къ увеличенію числа членовъ и къ усиленію средствъ общества. Разсылая уставъ общества, отчеты, письма и пропагандируя такимъ образомъ святое дѣло заботы о начальномъ образованіи, совѣтъ приобрѣлъ вновь въ теченіе минувшаго года 20 почетныхъ членовъ (со взносомъ 1,057 р.), а число обыкновенныхъ къ концу года опредѣлилось цифрою въ 1,350 человѣкъ (со взносомъ 1,591 р. 50 коп.). Для увеличенія средствъ общества совѣтомъ было устроено

два музыкальныхъ вечера, два духовныхъ концерта, два маскарада, выставка туманныхъ картинъ, открытъ былъ пріемъ пожертвованной старыми вещами; чрезъ введеніе 5 копѣчныхъ квитанцій открыта была возможность недостаточнымъ людямъ внести свою посильную лепту на дѣло общества. Совѣтъ общества испросилъ согласіе въ общественномъ и военномъ собраніяхъ съ каждой игры картъ дѣлать пожертвованіе въ кассу общества въ размѣрѣ 10 коп. Кромѣ того, въ пользу комитета отпечатано было 5,000 экземпляровъ Пасхальнаго канона съ русскимъ переводомъ и пушено въ продажу по 10 к., съ назначеніемъ всей выручки въ кассу общества. При наступленіи холоднаго времени въ минувшемъ октябрѣ, съ разрѣшенія г. начальника губерніи, открыта была главнымъ образомъ черезъ гг. почетныхъ блюстителей подписка спеціально на одежду для бѣднѣйшихъ изъ учениковъ. Всѣ вышеозначенныя мѣры дали въ результатѣ 3,718 р. 67 к., а весь приходъ за 1883 г. опредѣлился цифрою 6,367 р. 17 к., считая въ томъ числѣ матеріалы на 245 рублей. Преслѣдуя цѣли общества, выраженныя въ § 1, совѣтъ въ минувшемъ году имѣлъ возможность оказать и оказалъ городскимъ школамъ слѣдующія пособія: 1) на средства общества въ теченіе отчетнаго года были приглашены въ помощь городскимъ учителямъ и учительницамъ въ первой половинѣ двѣ, а во второй одна сверхштатная учительница (израсходовано на вознагражденіе имъ 375 р.); 2) съ начала текущаго учебнаго года открыто и снабжено образцовою классною мебелью и учебными пособиями женское училище на окраинѣ города (Елани), въ которое съ первыхъ же поръ поступило 25 дѣвочекъ (расходъ 492 руб. 75 коп.); 3) въ началѣ текущей зимы куплено и роздано черезъ учителей и учительницъ 298 бѣднѣйшимъ изъ учениковъ и ученицъ: 219 паръ теплыхъ сапогъ (пимовъ), 38 теплыхъ шапокъ, 23 теплыхъ платка и матеріалъ (коричн. бязь, бумажная фланель и по 2½ фун. верблюжьей шерсти) на 107 теплыхъ пальто (израсходовано 569 р. 63 к.); 4) введено за право ученія учениковъ и ученицъ, кончившихъ курсъ въ городскихъ приходскихъ училищахъ, 130 рубл.; 5) выданы пособія нѣкоторымъ лицамъ изъ педагогическаго персонала приходскихъ училищъ (250 р.); и 6) оказаны пособія двумъ ученикамъ уѣзднаго училища (12 р. 35 к.)

Всего въ теченіе года совѣтомъ произведено расходовъ деньгами и матеріалами 1972 р. 71 к.

Затѣмъ въ наличности къ 1-му января 1884 года состояло 7,336 р. 81 к. Кромѣ денегъ, къ 1-му января состояло на лицо матеріаловъ для одежды на 69 р. 22 к., не считая пожертвованныхъ, но еще не проданныхъ старыхъ вещей. Затѣмъ общество постановило открытъ на средства общества съ начала 1884—85 учеб. года новое двухъ-классное мужское училище и производить разныя другіе расходы до 2,255 р. Къ 1-му января 1884 г. въ Томскѣ: имѣется 7 школъ, въ коихъ учащихся 610 мальчиковъ и 474 дѣвочки; 8-ая — сѣшанная еврейская: мальчиковъ 33 и дѣвочекъ 8; 9-ая и 10-ая воскресныя школы: мужская имѣетъ 40, женская — 98 человѣкъ; 11-ая и 12-ая — частныя школы (съ платою), имѣющія 36 учащихся; всего въ 12 школахъ 1,299 чел. учащихся обоаго пола. Дѣятельность общества съ цифровыми данными краснорѣчивѣе всего доказываетъ, какъ много значитъ инициатива нѣсколькихъ лицъ, стремящихся неграмотныхъ гражданъ превратить въ грамотныхъ. Этотъ прилрѣтъ общества попеченія о начальномъ образованіи въ Томскѣ показываетъ, что въ Сибири находится дѣло для тѣхъ, кто ищетъ дѣятельности и кто желаетъ быть полезнымъ.

Иркутскъ (корресп. „Восточн. Обозр.“). Считаю не безынтереснымъ для пополненія лѣтописныхъ сказаній о нашемъ градѣ сообщить о нижеслѣдующихъ курьезахъ. Въ одномъ изъ нашихъ учреденій (довольно видныхъ) служилъ съ Сенеи Вирюковымъ по-

мощникомъ Федя Бубенчиковъ (по прозванію Иисусова лошадка). Вдругъ Сеня Бирюковъ получаетъ повышение, и такимъ образомъ открывається вакансія. И вотъ нашъ Федя начинаетъ хлопотать, впрочемъ не самъ лично, а черезъ мамашу, кузину, тетеньку, знакомаго генерала и т. д. Надоѣдаютъ главному до того, что онъ спрашиваетъ будущаго начальника Феденьки: „Вы все таки настаиваете на томъ, чтобы этого дурачка, шалопая глупенькаго назначить къ вамъ?...“. И что-же? Назначили, хорошо еще, что не совсемъ. Другой курьезъ. При одной особѣ получился составъ такихъ довѣренныхъ агентовъ, что хоть руками разводи. Одинъ чуть ли не изъ сумасшедшаго дома, другой побывавшій подъ судами и слѣдствіями и тюремнаго заключенія вкусившій, третій въ сосѣдней области прославившійся „собираніемъ“ добра, но, кромѣ этихъ троихъ, долженъ быть еще четвертый... Начали хлопотать кто за Ивана, кто за Петра. Одинъ изъ приближенныхъ предлагаетъ порядочнаго человека, хотя немножко и юрдиваго, но за то образованнаго и честнаго; но ему отвѣтили, что обѣщали назначить такого-то. — Помилуйте, в—ство, да вѣдь это вопіющая несправедливость — давать предпочтеніе такому негодю!—Это я сдѣлалъ для пополненія коллекціи, чтобы не было дисгармоніи, было сказано въ отвѣтъ. И дѣйствительно квартетъ—хоть куда. Про одного даже разсуждали въ одной коллегіи о томъ, къ категоріи какихъ его причислить: глухихъ или подлыхъ? И по большинству рѣшили, что сей блудный сынъ негодилъ. Подробности не сообщаю, ибо жалѣю наборщиковъ вашей газеты. Къ сожалѣнію, нѣкоторые, желающіе принести пользу и люди безусловно честные, бываютъ слѣпы и готовы считать честнымъ за то, что человекъ не принялъ 25 р., даваемыхъ на взвозчика, вслѣдствіе косвеннаго намека на разорванные сапоги. Теперь, спрашивается, что все это значитъ? Неужели же въ Сибири не найдется дѣльных и честныхъ труженниковъ, что приходится прибѣгать къ содѣйствию дурачковъ, шалопаевъ и тому подобныхъ артистовъ. По правдѣ говоря, дѣльных людей для службы въ краѣ нѣтъ. Объясняется это очень просто. Окончившіе съ успѣхомъ курсъ въ гимназіяхъ ѣдутъ въ университеты и затѣмъ или вовсе не возвращаются на родину, или если возвращаются, то не иначе какъ въ качествѣ врачей, изъ которыхъ нѣкоторые мѣтятъ на практику и наживу*), а потому продолжаю о второй причинѣ недостатка людей, которая состоитъ въ томъ, что недоучившіеся предпочитаютъ частную службу, золотые промысла, торговлю, адвокатуру и т. п., — а на службу идутъ только неудачники, или же чувствующіе себя способными обдѣлывать дѣлишки на всякомъ поприщѣ. Въ виду всего этого я полагаю, что выписка молодыхъ людей съ высшимъ образованіемъ безусловно необходима. Но выписывать разныхъ чиновныхъ особъ, выбывшихъ изъ четвертаго или пятаго класса гимназіи, для занятій мѣстъ съ приличными окладами положительно вредно и притомъ убыточно для казны. Отъ выписки такихъ лицъ происходитъ еще и то, что прибывшіе молодые люди съ высшимъ образованіемъ не имѣютъ никакого повышенія за свои труды, принуждены вѣчно быть въ черномъ тѣлѣ, работать для другихъ, которые и получаютъ в о з н а г р а ж д е н і е. Конечно, когда у насъ будетъ свой университетъ, то всякая выписка будетъ излишня. А теперь нужны люди!...

Красноярскъ (корресп. „Восточн. Обозр.“). Хроника нашей общественной жизни за послѣднее время имѣетъ преимущественно трагическій характеръ. Нѣсколько дней тому назадъ исчезла нищая еврейка, старуха, не имѣвшая въ городѣ постояннаго пріюта и проводившая ночи гдѣ попало. Это была парія въ полномъ смыслѣ

*) Мѣстныя печатныя извѣстія о работахъ врачей на пользу общественную къ чести ихъ доказываютъ, что не все таково. *Ред.*

этого слова. Въ январѣ этого года тѣло ея съ признаками насильственной смерти было найдено за городомъ. Кому понадобилась жизнь этого несчастнаго существа—богъ вѣсть; съ подобнымъ вопросомъ, конечно, мы не обратимся къ нашей полиціи, и для насъ удивительно даже то, что она приступила къ слѣдствію по поводу этой загадочной смерти, производство котораго, по обыкновенію, не поведетъ ни къ какому осязательному результату. Подобными мертвыми тѣлами усѣяна Сибирь на всемъ протяженіи своего тюменско-нерчинскаго тракта. Мы знаемъ, напримѣръ, случай, когда одинъ поселенецъ Ачинскаго округа совершилъ убійство только потому, что жертва его принадлежала къ числу коренныхъ сибиряковъ. Послѣ убійства онъ отправился къ первому старшинѣ и хладнокровно заявилъ: „подымай, братъ,—еще одного сибиряка ухлопалъ“. Убійство совершалось имъ безъ ограбленія собственно потому, что „онъ ужъ такой зарокъ положилъ: убить сто сибиряковъ“. Послѣ каждаго преступленія его заковывали въ кандалы и держали подъ строжайшимъ карауломъ, но онъ убѣгалъ и изъ волостныхъ тюремъ, и изъ остроговъ. Въ послѣдній разъ (лѣтъ 6 тому назадъ) онъ бѣжалъ изъ каторги и появился въ Минусинскомъ округѣ, гдѣ крестьяне, наконецъ, примѣнили къ нему законъ Линча и разъ навсегда положили конецъ его звѣрству. — Другое трагическое событіе—смерть молодого человека, мѣщанина Иннокентія Александровича Минаева, обладавшаго безспорно талантомъ художника. Тщетно испытывъ все способы, чтобы ухъать въ Петербургъ, и встрѣтивъ въ этомъ неодолимое препятствіе со стороны матеріальныхъ средствъ, а главнымъ образомъ со стороны семьи и общества, не давшихъ ему увольненія, онъ 13-го числа покончилъ свою жизнь выстрѣломъ изъ револьвера въ сердце. По отзывамъ компетентныхъ лицъ, въ лицѣ Минаева Красноярскъ могъ бы дать обществу втораго Сурикова. 13-го числа погибли еще двѣ молодыя жизни: воспитанникъ учительской семинаріи Тихвинскій и пѣвчій архіерейскаго хора Полуининъ. Смерть ихъ настолько ужасна, что буквально вызвала содроганіе всего общества: Полуининъ сгорѣлъ живымъ до тла, а Тихвинскій отъ сильныхъ обжоговъ умеръ черезъ два часа въ городской больницѣ, находясь до послѣдней минуты въ полномъ сознаніи и узнавая всѣхъ по голосу, такъ какъ отъ обжога потерялъ зрѣніе. Несчастіе это случилось во время пожара дома, гдѣ помѣщались архіерейскіе пѣвчіе, въ 12 часовъ ночи съ 13 на 14 января. По случаю дурныхъ почей и неблагоприятныхъ гигиеническихъ условий, домъ этотъ признавался негоднымъ для квартированія пѣвчихъ, которые по этой причинѣ за нѣсколько дней до пожара были переведены въ другое помѣщеніе. При домѣ оставался только сторожъ, да по какому то случаю было допущено проживание Полуинина и Тихвинскаго. — Прибѣжавшимъ на пожаръ народомъ былъ вытащенъ только одинъ Тихвинскій, спасти же Полуинина не было никакой возможности; многіе черезъ окно видѣли его бѣгающимъ по комнатѣ, но затѣмъ съ трескомъ повалились стѣны и потолокъ, накрывъ жертву—и все было окончено. 14 числа происходило отпѣваніе останковъ Полуинина и обгорѣлаго тѣла Тихвинскаго. Отпѣваніе совершенно епархіальнымъ пресвященнымъ Исаакіемъ въ присутствіи высшихъ представителей духовенства, воспитанниковъ и начальства учительной семинаріи. Стеченіе публики было громадное. Надъ могилою было произнесено директоромъ семинаріи г. Савенковымъ небольшое, но прочувствованное слово. Пожаръ этотъ кстати доказалъ неисправность нашихъ пожарныхъ командъ, которыя пріѣхали почти черезъ полчаса отъ начала пожара и не могли дѣйствовать собственно потому, что лопнули рукава машины... Какъ видно, управленіе Прейна и К^о (бывшаго городского головы) долго еще будетъ отзываться на городскомъ хозяйствѣ.

Енисейскъ (корресп. „Восточн. Обозр.“). Было время, когда частнымъ лицамъ, не имѣющимъ отношенія къ золотымъ промысламъ, совсѣмъ было запрещено селиться по Ново-Нифантьевской дорогѣ (проложенной изъ Енисейска на золотые промысла) въ видахъ охраненія заработковъ рабочихъ отъ обирательства, но многіе искатели скорой и легкой наживы счумѣли вывернуться изъ такого положенія: они начали заявлять небольшіе клочки земли, подъ предлогомъ открытія золотосодержащей россыпи, возводить на нихъ постройки и, на законномъ основаніи, въ качествѣ золотопромышленниковъ поселились въ постройкахъ и начали продажу проходящимъ рабочимъ всего дозволенного и недозволенного. Такихъ пріисковъ по дорогѣ теперь насчитывается болѣе 20, въ коихъ большинство хозяевъ, за исключеніемъ одного Т., проживаютъ круглый годъ, а г. Т. сдаетъ свой пріискъ въ аренду. Пріиски эти не разрабатываются, даже многіе изъ нихъ не отведены и по планамъ на владѣніе не утверждены. Корреспондентъ „Сибир. Газ.“ въ 46-мъ № за минувшій годъ весьма подробно описалъ значеніе этихъ пріисковъ и бывшее на нѣкоторыхъ изъ нихъ пьянство нынѣ осенью во время выхода рабочихъ съ пріисковъ послѣ разчета.

По этой же Ново-Нифантьевской дорогѣ золотопромышленниками выстроено 6 зимовьевъ для пріюта проходящихъ рабочихъ, возчиковъ тяжести и тому подобныхъ необходимостей, являющихся въ мѣстахъ не заселенныхъ. Здѣсь великимъ будетъ сказать о томъ, что зимовья эти давно соблазнили одного изъ нашихъ мелкихъ золото-промышленниковъ Т—ва, который въ прошломъ году, пользуясь случаемъ, отдалъ казною зимовьевъ съ торговъ, набилъ на торгахъ за нихъ высокую плату, и зимовья остались за нимъ. Тогда золотопромышленники прибѣгнули къ этому лицу, а онъ, послѣ долгихъ колебаній, зимовья уступилъ золотопромышленникамъ на 6 мѣсяцевъ, выговоривъ съ нихъ за это 100 рублей, съ возвращеніемъ ему всего годового оброка, заплаченного въ казну. Золотопромышленники, видя себя въ зависимости отъ Т—ва, начали ходатайствовать о передачѣ зимовьевъ въ общую пользу золотопромышленниковъ, и генералъ-губернаторъ уважилъ ихъ справедливую просьбу. Для содержанія этихъ зимовьевъ золотопромышленники каждый годъ нанимаютъ подрядчиковъ и платятъ имъ отъ 75 до 700 руб. за зимовье, смотря по его разстоянію отъ Енисейска. На обязанности зимовщика лежитъ имѣть всегда въ исправности дорогу, помященія, отопленіе и освѣщеніе ихъ, своихъ лошадей для прохода почты и проѣздовъ за опредѣленные прогоны. Годовой расходъ по содержанію зимовья въ теченіе года обходится зимовщику отъ 3,000 до 5,000 руб. Для покрытія этого расхода, какъ видите, далеко не достаетъ получаемой платы отъ золотопромышленниковъ. Зимовщикъ въ силу необходимости прибѣгаетъ ко всевозможнымъ изворотамъ, не стѣсняясь и продажей водки. Вотъ цѣны, по которымъ зимовщики продаютъ припасы; цѣны эти утверждены золотопромышленниками. Беру Ерудское зимовье, первое отъ золотыхъ промысловъ. Овесъ 2 р. 50 к. за пудъ, сѣно 1 руб. за пудъ, мясо 12 к. за фунтъ, хлѣбъ печеный 8 к. за фунтъ, сухари 9 к. за фунтъ. На табакъ, чай, сахаръ и тому подобные предметы такса утверждается горнымъ исправникомъ.

Рабочіе послѣ разчета отпускаются съ пріисковъ безъ всякаго надзора со стороны промысловыхъ управленій и мѣстной полиціи. Послѣ долгаго и непосильнаго труда, рабочій, вырвавшись на свободу, дойдя до перваго же по дорогѣ „пріиска“ или зимовья, выпиваетъ порядочную дозу сивухи, захмѣлѣетъ и свалится... а тѣмъ временемъ, пока ему грезятся чудныя видѣнія, карманы его надлежащимъ образомъ опустошаются, конечно, рабочими же. Потомъ идетъ этотъ несчастный, обобранный горемыка-труженикъ, прося мило-

стыню именемъ Христовымъ, до Нифантьевой (деревня на правомъ берегу Енисея, возлѣ которой устроенъ перевозъ чрезъ Енисей на лѣвую сторону), въ надеждѣ вновь закабалиться здѣсь на пріиски. Въ Нифантьеву на время выхода рабочихъ пріѣзжаетъ съ товаришскомъ извѣстный уже вамъ Бѣльскій герой Сергѣевъ. Этотъ Сергѣевъ каждый годъ беретъ подряды у разныхъ золотопромышленниковъ нанимать рабочихъ. И вотъ разныхъ пропойцъ и обобранныхъ во время слѣдованія съ пріисковъ онъ успѣшно нанимаетъ, выдаетъ въ число задатка половину одежды (рабочіе уже въ этомъ случаѣ не спрашиваютъ о цѣнѣ за вещи), а за другой половиной задатка рабочіе должны явиться въ Бѣлую и подписать тамъ контрактъ. Надо вамъ сказать, что, рабочій, нанимаясь въ Нифантьеву къ Сергѣеву, подписываетъ только предварительное условіе въ томъ, что у кого Сергѣевъ возьметъ подрядъ найма рабочихъ, то рабочій и обязанъ подписать контрактъ тому золотопромышленнику. Не странно ли это? а между тѣмъ это практикуется довольно давно. Рабочіе, какъ видите, въ этомъ случаѣ закабалютъ себя въ силу необходимости и будутъ закабаляться до тѣхъ поръ, пока не будетъ обращено на юридическую сторону контрактовъ и самаго найма рабочихъ надлежащаго вниманія.

Во время выхода рабочихъ съ промысловъ, въ Нифантьевскую деревню наѣзжаютъ изъ Енисейска торгаши съ верблюжьими азиями, бобровыми шапками, сапогами, рубахами и тому подобными предметами, которые и сбываютъ рабочимъ за баснословно высокія цѣны. Рабочіе по необходимости принаряжаются въ Нифантьеву, переплачиваютъ на всякую вещь, такъ какъ ихъ почему то не пускаютъ въ Енисейскъ; какъ только рабочіе закупили все, что нужно, солдаты съ засѣдателемъ выгоняютъ ихъ изъ Нифантьевой прямо на карбазъ и — за Енисей; тамъ квартальный встрѣчаетъ карбазъ, осматриваетъ виды у рабочихъ и направляетъ ихъ подъ присмотромъ солдатъ на тракты старо-ачинскій и красноярскій, смотря по тому, какого округа рабочіе.

Павлодаръ (корресп. „Восточн. Обозр.“). Безпрестанно приходится слышать жалобы, что земледѣліе наше плохо, торговля плохо, ремесла плохо. И винятъ въ этомъ въ значительной степени нашихъ попечителей. Таково мнѣніе простаго народа, и, можетъ быть, это правда. Въ самомъ дѣлѣ, дѣятели всегда являются предъ вами, когда для нихъ есть случай—показать простую, грубую, физическую энергію, какъ-то: запретить что нибудь, задержать кого нибудь, засадить въ тюрьму, наказать и т. д. Но когда нашимъ дѣятелямъ нужно бы проявить умственную энергію—помочь народу избавиться отъ различныхъ бѣдъ, въ родѣ саранчи, хлѣбнаго неурожая, эпизоотіи, тогда ихъ не увидишь: у нихъ одинъ отвѣтъ—не наше дѣло.

Такъ, напримѣръ, во время ярмарки, въ январѣ, три раза посылали за врачомъ Г., чтобы пріѣхалъ для освидѣтельствованія скота, кожъ и пр., но такъ и не дождался его. Онъ, вмѣсто отправленія своей обязанности, самовольно укатилъ въ Тобольскую губ., въ Курганъ, за покупками для себя разныхъ разностей, а тутъ сотни народу ждали; чуя же дѣлала свое дѣло. Кромѣ почти не прекращающейся чумы, страшнымъ бѣдствіемъ для края является безхлѣбіе: дѣлятъ траву или хлѣбъ пополамъ съ травой, а между тѣмъ покупаютъ муку—ржаную по 1 р., пшеничную по 1 р. 20 к. и дороже за пудъ. Та и другая пополамъ съ травой.

Въ заключеніе сообщая объ одномъ случаѣ дикаго и звѣрскаго убійства, имѣвшемъ мѣсто въ Прѣсновскѣ. Жили тамъ два брата Островскіе, каждый отдѣльно. Однажды вечеромъ одинъ братъ пришолъ къ другому въ гости. Хозяинъ купилъ вина, а хозяйка заняла въ сосѣдяхъ чайку, вскипятила самоваръ и стала угощать

мужа и деверя чаемъ, а тѣ поподчивали ее виномъ. Все шло какъ быть. Двое дѣтей и старикъ-дѣдъ лежали на полатахъ и смотрѣли на пирующихъ. Только во время мирной бесѣды гостю что-то не понравился у хозяйки носъ, или вообще она ему не понравилась. Объ этомъ онъ завелъ разговоръ съ братомъ; а этотъ подъ вліяніемъ распятаго угощенія согласился съ мнѣніемъ брата, что носъ у его жены—вещь лишняя. Не раздумывая долго, онъ беретъ большой столовый ножъ и при помощи брата отрѣзываетъ у жены носъ. Послѣ этой операціи хозяйка еще болѣе имъ не понравилась, и вотъ они берутъ топоръ и убиваютъ ни въ чемъ неповинную женщину.

Чѣмъ объяснить это безумное варварство, полное несознание, повидимому, того, что дѣлаютъ? Объяснить выпитымъ виномъ—не достаточно. Нужно принять во вниманіе, что вся жизнь ихъ сложилась изъ нищеты, болѣзней, голода, ссоръ, драки и самыхъ тяжелыхъ лишеній и невзгодъ. Можетъ быть, все это, ежедневно повторяясь, отуманило ихъ головы, изъ людей обратило ихъ почти въ звѣрей, готовыхъ загрызть другъ друга. У этой злополучной семьи остались дѣти, которыя будутъ, надо думать, еще несчастіе.

НАРОДНО-ОБЛАСТНОЕ НАЧАЛО ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

III.

Когда покойный Щаповъ, какъ историкъ, коснулся исторіи русской области и провинціи, онъ, какъ Антей, получилъ страшную силу. Въ этомъ изученіи его утвердило знакомство съ С. В. Ешевскимъ, разработывавшимъ колонизацію сѣверо-восточнаго края и поморья Россіи. Здѣсь въ первый разъ даровитый историкъ увидѣлъ золотоносную жилу исторіи. Онъ накинута на солбовецкія рукописи, какъ на драгоценный открытый кладъ. Съ свойственной ему страстностью онъ отдается этой работѣ, ревнуетъ Ешевскаго, можетъ быть, потому, что находитъ его задачу узкою, и у самого его зрѣетъ планъ болѣе широкаго изученія. Дѣйствительно, скоро онъ его развертываетъ.

Какъ ни сильно привлекали вниманіе Щапова тогдашніе современные вопросы общественной жизни, какъ ни часто возбуждали въ немъ стремленіе заняться обсужденіемъ и истолкованіемъ ихъ, какъ ни велика была охота рѣшать ихъ по своимъ воззрѣніямъ, необходимость останавливала его работы на строго научной почвѣ. Онъ добивался отыскать связь между началами старинной русской народной жизни и современнымъ ея теченіемъ, желалъ освѣтить историческій путь, по которому должны идти живые потомки сравнительно съ предками.

Этотъ первый періодъ историческихъ работъ А. П. Щапова мы должны признать самымъ зрѣлымъ, плодотворнымъ, лишеннымъ послѣдующей теоретичности и фантастичности, такъ сказать, дѣйствительнымъ плодомъ глубоко фактическаго изученія, проникнутаго вполне оригинальнымъ, самобытнымъ взглядомъ, дающимъ ему право на настоящаго представителя цѣлой школы.

Въ это то время Щаповъ создалъ свою систему историческихъ, взглядовъ и убѣжденій развилъ планъ образованія и устройства Россіи въ древнюю пору и постепеннаго измѣненія началъ народной жизни. Уже въ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, онъ, по мѣстамъ,

развиваетъ свои воззрѣнія на древній земскій складъ русской жизни, особенно на начало образованія нашего отечества путемъ колонизаціи, упорнымъ трудомъ „посаженія и поставленія деревень на лѣсахъ“. Въ областяхъ финскихъ, по его словамъ, свободныя земли начинаютъ правильно разрабатываться съ постепеннымъ наплывомъ русскаго народонаселенія; появились поселки изъ вольныхъ охочихъ людей, заселились владѣльцами страдомыя деревни, а съ ними пришла практически-разумная хозяйственная сила. Съ другой стороны, въ сѣверо-восточномъ краю земли русской стали воздвигаться и устраиваться монастыри, которые служили зачатками, починками заселенія необитаемыхъ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстностей, проводниками дальнѣйшей колонизаціи и распространенія культуры. Русскіе подвижники содѣйствовали обработкѣ неблагоприятной земли, прокладывали пути сообщенія въ глухихъ трупцахъ и содѣйствовали привлеченію поселенцевъ и разработкѣ огромныхъ пустынныхъ пространствъ сѣвернаго поморья. Путемъ народной колонизаціи совершалась побѣда надъ дикою природою, а путемъ церковной или монастырской колонизаціи византійскій элементъ помогъ воспреобладать русскому человѣку надъ дикими племенами инородцевъ и обрусить ихъ.

Въ 1859 и 1860 годахъ, вопросъ о колонизаціи развился шире во взглядѣ Щапова, постоянно занималъ его и сдѣлался основнымъ для образованія внутренняго устройства Россіи и для склада своеобразной народной жизни. На немъ онъ старался основать удѣльный и областной порядокъ, отрасли управленія и суда, общественной экономіи и проч. Такъ, по его выводамъ, путемъ колонизаціи началось самообразованіе областныхъ земскихъ общинъ съ ихъ „самоуправленіемъ“.

Вслѣдствіе земскаго саморазвитія и самоустройства, организовалась „сельская община, городская община, уѣздъ, станъ и волость“; послѣднія дѣленія имѣли сначала хозяйственно-промышленное значеніе, а потомъ административное. Границами участковъ и крупныхъ мѣстныхъ дѣленій служили рѣчныя системы или окраины разрабатанной земли, „покамѣсть топоръ, соха и коса ходили“. Имѣя въ виду естественное возникновеніе внутренняго областного строя, на основѣ „историко-географической“, Щаповъ, въ то же время, придавалъ большое значеніе племеннымъ особенностямъ народонаселенія, считая „историко-этнографическій“ элементъ основой земскаго строенія.

На историко-этнографической основѣ, при земской самобытности областныхъ общинъ, создался „конфедеративный союзъ всей земли русской“.

Начала „народосовѣтія“ или земско-общиннаго устройства служили основой для свободнаго склада всего юридическаго и политическаго быта Россіи: 1) въ мелкихъ общинахъ явился „мірской сходъ или міръ, сельская сходка, громада, мірское согласье“ у раскольниковъ; 2) въ городскихъ или большихъ собраніяхъ формируются „сходы на думу, на вѣча“, въ другихъ мѣстахъ—„сеймы, рады, казачьи круги“; 3) слѣдующими собраніями городскихъ и сельскихъ сходовъ служили „областные земскіе совѣты“, и 4) наконецъ, для связи всѣхъ областей явился „совѣтъ всей земли“, или „земскій соборъ“. Въмѣстѣ съ подробнымъ изслѣдованіемъ основъ самоуправле-

ніа, А. П. Щаповъ, основательно изучилъ старинное русское хозяйство и его начала. Экономическій бытъ, по его взгляду, тоже созданъ естественнымъ путемъ колонизаціи и промышленной дѣятельности, сообразно съ мѣстными условіями: крестьяне сажали деревни „пашенныя, бортничьи, рыболовли“ и проч. Вольныя ремесла и рукодѣльные промыслы развивались то же сообразно съ природою и удобствами мѣстности и характеромъ населенія; далѣе „города“ возникали путемъ торга, а „погосты“ путемъ гостыбы. Внутреннее поземельное самоуправство и экономическое саморазвитіе носило областной оттѣнокъ; поэтому предметы труда и производства въ разныхъ мѣстностяхъ были неодинаковы: новгородцы отличались плотничествомъ, поморцы — звѣроловствомъ и рыболовствомъ, другія области славились путями и „ухажаями“ хлѣбными, соляными и т. д. Оклады податей и пошлинъ собирались по поземельнымъ участкамъ, промысламъ и торгамъ.

Самый взглядъ Щапова на расколъ послѣ 1859 г. сложился подъ влияніемъ выработки опредѣленныхъ воззрѣній на земское устройство старинной Россіи. Въмѣсто невѣжественной толпы, раскольники явились народной массой практически разумной; мысль и ученіе ихъ были жизненны и полны глубокихъ общественныхъ вопросовъ. Расколъ выдвинулся съ выработанной системой, какъ общинная оппозиція податнаго земства противъ ненормальнаго государственнаго строя церковнаго и гражданскаго, противъ рабства, насилія совѣсти и всѣхъ новыхъ стѣснительныхъ мѣръ. Стремленіе раскольничьихъ общинъ къ особно-областному самоуправству выразилось очень рано: возникли общины „поморскія, стародубскія, донскія, керженскія, казанскія, сибирскія“ и проч. При различіи воззрѣній и характера жителей, создались своеобразные толки и согласія, съ отличительными чертами вѣрованій и мнѣній. Но всѣ они отстаиваютъ права и личность вольныхъ людей, старинныя народныя льготы, земское самоуправленіе и свободную промышленность, сообразно съ хозяйственными потребностями и правовыми обычаями народа.

Въ 1859 и 1860 гг. Щаповъ прочелъ студентамъ академіи, между прочимъ въ числѣ лекцій, объ „удѣльномъ періодѣ“ или областномъ; объ этомъ періодѣ онъ составилъ чрезвычайно живой и свѣжій очеркъ, положивъ въ основаніе идею самостоятельнаго образованія княжествъ или земель, съ ихъ отличительными особенностями, съ колонизаціоннымъ саморазвитіемъ и общинной автономической жизнью; при этомъ онъ почти не касался взаимныхъ отношеній удѣльныхъ князей и вражды ихъ между собою.

А. П. Щаповъ въ это время, между прочимъ, говорилъ о своемъ взглядѣ на смыслъ древней русской исторіи и доказывалъ, что Русь стремилась къ федераціи, что федерація есть единственная плодотворная форма народной жизни.

Къ этому времени относятся самые капитальные труды и изслѣдованія Щапова. Послѣ изданія его книги „Расколъ старообрядчества“, возбуждившей вниманіе всей литературы, послѣдовало „Земство и Расколъ“, затѣмъ рядъ статей, по русской исторіи раскиданныхъ въ журналахъ. Основую ихъ былъ рядъ монографій, входившихъ въ общую канву чтеній по русской исторіи. Г. Аристовъ ихъ насчитывалъ до 14 *).

*) 1) очерки славяно-русской міеологіи; 2) очерки изъ исторіи народно-легендарно-эпического міросозерцанія; 3) колонизація сѣверо-восточной Россіи; 4) очерки исторіи культуры; 5) историко-геогра-

Въ статьѣ „Сельскій міръ и мірской сходъ“ („Вѣкъ“ 1862 г., апрѣль, №№ 13 и 14) Щ. разъясняетъ кругъ дѣйствія русской общинной единицы управленія древней Россіи. Міръ въ волостяхъ и селахъ былъ полноправный государь: какъ законодатель, онъ чинилъ указы, издавалъ заповѣди или мірскія уложенія, даже по вопросамъ религіознымъ; онъ избиралъ земскихъ головъ, старостъ, судей и проч.; распоряжался земельными участками, отводилъ черезъ своихъ выборныхъ пустопорожнія земли подъ усадьбу и подъ пашню; какъ полноправный хозяинъ, собиралъ деньги съ волостныхъ деревень и распоряжался ими; онъ непосредственно сносился съ правительствомъ черезъ своихъ излюбленныхъ, совѣщаясь межъ себя, а старосты выполняли земскія дѣла „во всѣхъ мѣсто“. Съ распространеніемъ власти московскихъ царей на всѣ областныя земли, въ волостяхъ началъ усиливаться приказно-правительственный элементъ; мірское самоуправленіе больше и больше стало ограничиваться вмѣшательствомъ волостелей и ихъ тѣуновъ, кормленники царскіе нарушали земское право и мірской самосудъ, и чинили продажи великія. Начался общій вопль противъ приказныхъ, и Іоаннъ IV велѣлъ опять волостямъ управляться чрезъ лицъ излюбленныхъ, по уставнымъ грамотамъ сельскихъ общинъ, „кому и какъ у нихъ мочно“. Выборные волостные земскіе судьи имѣли мірское полномочіе контролировать судъ приказныхъ, царскихъ судей, волостелей, кормленниковъ; міръ посылалъ на судъ приказныхъ добрыхъ судныхъ мужей, особыхъ довѣренныхъ своихъ людей, и могъ казнить ихъ въ случаѣ вины. Только при такомъ полно-жизненномъ и свободномъ саморазвитіи богатыхъ волостныхъ сель, взмущается въ захолудстьяхъ русскихъ множество гибнущихъ теперь Посошковыхъ, Ломоносовыхъ, Кольцовыхъ и т. д.

Мірской сходъ собирался въ земской или въ съѣздной избѣ, въ судной избѣ или въ трапезѣ церковной, и староста рѣшалъ дѣло, „поговоря со всѣмъ міромъ“; сельскіе сходы соединялись въ одинъ общій волостной мірской сходъ. „Не распространяясь о томъ, говоритъ Щаповъ, какіе вопросы крестьяне рѣшали на мірскихъ сходкахъ, мы считаемъ важнымъ сохраненіе извѣковѣчнаго принципа сходовъ, призваніе ихъ къ самодѣятельности, самоуправленію и самосуду“...

Точно также Щаповъ помѣстилъ въ газетѣ „Очерки“ (№№ 2 и 3 за 1863 г.) статью по поводу разработки вопроса о земскихъ учрежденіяхъ, подъ заглавіемъ: „Замѣтка о самоуправленіи“. Здѣсь онъ разъясняетъ исторически, что земство на Руси означаетъ искони вѣковъ „весь поземельно-общинный союзъ, всю совокупность или массу народонаселенія, связаннаго единствомъ или географическою нераздѣльностью, цѣльностью занятой имъ земли, единствомъ земскихъ интересовъ и, какъ говорили наши предки, „любовью, совѣтомъ и соединеніемъ“, безъ различія чиновъ, со-

фическое распредѣленіе русскаго народа; 6) историко-географическія основы областного дѣленія Великороссіи; 7) историко-этнографическій складъ русскаго народонаселенія; 8) взглядъ на расколъ и его земское значеніе; 9) экономическое состояніе Россіи въ старинное время; 10) значеніе областного элемента въ русской исторіи и конфедеративное устройство Россіи; 11) самоуправленіе народное въ древней Россіи; 12) о древнемъ удѣльномъ періодѣ; 13) о русскихъ земскихъ соборахъ; 14) Великорусскія области и смутное время. «Большая часть этихъ вопросовъ подробно была изслѣдована и основательно рѣшена Щаповымъ» говоритъ профессоръ Аристовъ (А. П. Щаповъ, жизнь и сочиненія, стр. 54).

словій и этнографическаго разнообразія. Народъ представлялъ себя всегда братствомъ, соединеннымъ узами одной общей матери земли. По общности, всенародности земли и по нераздѣльности, цѣльности земства, — и кругъ или объемъ областной земской выборности и областныхъ земскихъ собраній вырабатывался цѣльный, обнимавшій какъ города, такъ и уѣзды, и людей всѣхъ чиновъ городскихъ и уѣздныхъ, выборныхъ и мірскихъ жилаецкихъ людей, духовныхъ и торговыхъ лицъ, крестьянъ и инородцевъ. Съ XVIII вѣка, реформами Петра Великаго, его преемниковъ и Екатерины II радикально разстроена была изначальная естественно-историческая цѣльность земли; земля уже всецѣло отошла отъ народа къ государству, стала „не общею питаюною матерью земства“, а служебно-крѣпостною основой государства. Поземельная собственность сосредоточилась въ рукахъ сильнаго дворянства и сословное раздѣленіе земства дошло неизбежно до крайности, до замкнутости. Теперь не одна земля должна быть источникомъ производительности, предметомъ реальной, умственной и нравственной культуры, естественнымъ условіемъ общественной жизни и благосостоянія народа, писалъ въ это время историкъ. Теперь наука, литература, искусства составляютъ жизненную потребность земства; если земля есть экономическая сила, то и знаніе есть сила. Пора въ 8-ми милліонахъ инородцевъ признать земскія права наравнѣ со всѣми; каждое сословіе имѣетъ право на заявленіе передъ закономъ своихъ самобытныхъ интересовъ, на заботу о самосовершенствованіи и удовлетвореніи своихъ нуждъ. Только при равноправномъ и дружномъ, всецѣломъ и всеобъемлющемъ самовыраженіи всѣхъ составныхъ самобытно-общественныхъ силъ, интересовъ, можетъ быть истинный, разумно-человѣчный и, по возможности, ровный прогрессъ общества и народа.

Для трудовъ этихъ подкладкою и поддержкою служила огромная эрудиція, накопленная Щаповымъ въ цѣлые годы страшной усидчивой работы въ академіи. Отъ этихъ трудовъ противники Щапова и самъ критикъ его Аристовъ не отнимаютъ весьма важнаго значенія. Если бы онъ остался послѣдовательнымъ на этой почвѣ, а не измѣнилъ ей во второй петербургскій періодъ дѣятельности, онъ избѣгъ бы многихъ ошибокъ и на этомъ базисѣ создалъ бы прочную

„вѣчную работу“. Но пока онъ не былъ увлеченъ потокомъ другихъ идей и направленій, онъ все-таки положилъ кирпичи для зданія народно-областной исторіи и выразилъ нѣсколько серьезныхъ взглядовъ на складъ русской жизни.

ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

И. В. ОМУЛЕВСКАГО.

* * *

Всюду слышны народамъ привѣтствія,
А народныя страшныя бѣдствія
Съ каждымъ днемъ все растутъ и растутъ.
Богачамъ, не боящимся холода,
Во всю жизнь не извѣдавшимъ голода,
Не цѣнящимъ убійственный трудъ,
Это вздоръ. Но въ обители тѣсныя
Скорби, язвы еще неизвѣстныя
Съ человѣкомъ бороться идутъ.

Понимаютъ умы первоклассныя,
Что отъ васъ эти язвы ужасныя,
Представители гнета и тьмы!
Понимаютъ—и всѣми ихъ силами,
Передъ свѣжими братьевъ могилами,
Служать намъ, чтобъ бодрелися мы.
Но въ послѣднемъ, горячемъ усиліи
Погибаютъ и сами въ безсиліи
Первоклассныя эти умы...

И смолкаетъ надолго, поникшая,
Голосами ихъ смѣлыми жившая,
Пробужденная было, толпа;
Дождается новыхъ спасителей—
И въ грязи обветшалыхъ обителей
Мретъ и гибнетъ, какъ прежде слѣпа.
А богатство надъ ней потѣшается,
Что голодная тамъ она шляется,
Гдѣ его пролегаеть тропа!

1875 года.

„КАРАНТИНЪ“,

ИЛИ БОРЬБА СЪ ЭПИЗООТИЕЙ.

Сцена I.

На огромной полосѣ несчастной Сибири свирѣпствуетъ эпизоотія: скотъ валится по деревнямъ, валится по городамъ, изъ одной деревни зараза переходитъ въ другую, трупы бросаютъ, гдѣ попало, собаки растаскиваютъ части скота, павшимъ скотомъ завалили овраги и берега рѣкъ. Скототорговля и ярмарки, однако, идутъ своимъ чередомъ, гурты скота перегоняются по дорогамъ, сырыя кожи и сало везутся обозами на петропавловскую, ишимскую и ирбитскую ярмарки.

Наконецъ, и канцелярія зашевелилась. Скриба, секретарь какого то правленія, сидитъ надъ рапортами отъ исправни-

ковъ и выводитъ слово „предписаніе“, но о чемъ предписаніе, онъ еще пока не рѣшилъ.

— Справку, справку о падежахъ его пр—ство требуютъ! мечется расторопный чиновникъ особыхъ порученій. Какъ слонъ, медленно двигается архивариусъ и несетъ огромную кипу дѣлъ съ надписью „объ эпизоотіяхъ“. Шлепнувшееса дѣло на столъ обдастъ облакомъ пыли.

Молодой чиновникъ чихаетъ, затѣмъ обтираетъ сюртукъ свѣженькимъ платкомъ, вынутымъ изъ боковаго кармана пиджака, и начинаетъ перелистывать: „дезинфекція заводовъ, надзоръ на ярмаркахъ, клейменіе кожъ, скотопрогонныя тракты,

карантины, земское страхованіе...“ мелькаетъ въ глазахъ у него.—Фу, ты, Господи, сколько мѣропріятій, а говорятъ—„не знаемъ, что дѣлать!“ Третъ лобъ и быстро хватается за золотой карандашъ, привѣшенный къ часовой цѣпочкѣ.

— Впрочемъ... дезинфекція заводовъ, надзоръ на ярмаркахъ, клейменіе кожъ—вѣдь тутъ нужны специалисты, а у насъ, одинъ—два ветеринара на губернію. Карантины, земское страхованіе скота, все это прекрасно. Но гдѣ же земство въ Сибири? гдѣ самоуправленіе? кто его организуетъ? гдѣ общественные дѣятели?...

— Сержъ! ты забылъ, кажется... влетаетъ въ канцелярію красивый блондинъ во фракѣ.

— А что такое?

— Къ Марьѣ Львовнѣ, къ Марьѣ Львовнѣ, mon cher, вѣдь она сегодня именинница! Забылъ? Хорошъ, хорошъ, ха-ха-ха!

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! юный дѣлецъ пробуетъ перекинуть половину дѣла.

— Вчера мы прелестно провели вечеръ. Аннетъ спрашивала о тебѣ, продолжаетъ пріятель.

— Да? перекидываетъ еще половину дѣла.

— Прощай, однако, пора! Аннетъ ждетъ. Тру-ла-ла... тру-ла-ла!

Докладчикъ вскакиваетъ, какъ ужаленный, хватается шляпу и исчезаетъ влѣдъ за пріятелемъ.

Изъ прихожей доносится:

— Ануфрій Феногентичъ, подберите на столѣ „дѣло объ эпизоотіяхъ“!

Сцена II.

Морозное утро. Ярмарка. На площади масса балагановъ, заваленныхъ сундуками, коврами, кошмами. На площади громятся тысячи возовъ съ кожами, мясомъ, саломъ, цѣлыя пирамиды скотскихъ тушъ стоятъ въ симметрическихъ рядахъ, мордами къ небу, какъ бы вопія на скотоубійство.

— Ужъ развѣ таперя ярмарка не пойдетъ—вонъ сколько наѣхало! разсуждаетъ рыжая борода клиномъ, похлопывая варежками.

— Вы говорите—пойдетъ, а вотъ мы шестыя сутки съ товаромъ стоимъ: говорятъ, ветеринара нѣтъ, исправникъ запретилъ безъ свидѣтельства продавать. Хоть что хошь! замѣчаетъ черная борода въ сосулькахъ. Хорошо, я знакомаго человѣка встрѣтилъ и двадцать возовъ спустилъ, а если бы...

— Ежели таперя ярмарка не пойдетъ... продолжаетъ рыжая борода флегматически и за тѣмъ сморкается въ мѣховую полу своей шубы.

На дворѣ земской квартиры стоитъ маленькая кибитка, покрытая кошмами. На крыльцѣ, въ синемъ форменномъ сюртукѣ съ медицинскими погонами и въ всклокоченной, какъ ворохъ сѣна папахѣ, вертится маленькая фигура пріѣхавшаго ветеринара. Его осаждаютъ дюжина торговцевъ въ тулупахъ.

— Помилосердуйте, ваше высокородіе, — шестой день, покупатели ждутъ...

— Нельзя же такъ, у тебя сколько? суетится ветеринаръ. 50 возовъ! а у тебя? 200! у тебя? 400! Сколько кожъ въ возу? 30 кожъ!

Изъ полуотворенной двери земской квартиры вылетаетъ клубъ теплаго пара, а затѣмъ раздается голосъ, подобный трубному.

— Серапіонъ! мы начали

Въ двери видно ярмарочное начальство, толпящееся около стола съ закусками.

— 800 возовъ, 800 возовъ! Ну, куда же, куда это осмотришь! да развѣ я каторжный! суетится папаха.

— Ваше вскородіе, осмотра не нужно, шкура — первый сортъ, безъ опаски, хоть съ масломъ кушайте...

— Тѣфу, тебя! Жри самъ!..

— Серапіонъ! смотри, повторяемъ! раздается съ клубомъ пара трубный гласъ изъ двери земской квартиры. Фигура въ папахѣ сжалась и засуетилась.

— А сколько тутъ скота? за 50,000! Господи! да гдѣ же это осмотришь?!

— Ваше благородіе, не сумлѣвайтесь, говядина первый сортъ—сахаръ...

— Знаю, а отчего татаринъ умеръ?..

— Татаринъ, сударь, умеръ отъ божескаго поущенія, потому онъ жралъ безъ молитвы...

— Серапіонъ! все выпьемъ! раздается изъ избы голосъ веселой компаніи.

— 800 возовъ, по 30 кожъ, 50,000 тушъ... да гдѣ же это осмотришь! путается ветеринаръ и стоитъ, растопыря руки въ недоумѣніи.

— Ваше благородіе, у насъ свидѣтельства готовы, только черкните—покупатель стоитъ, убытки терпимъ, господинъ исправникъ уже разрѣшилъ...

— Урра! доносится изъ избы.

— О, чтобъ васъ! ветеринаръ кидается въ земскую квартиру и быстро протискивается къ столу.

— Урра! съ началомъ ярмарки, урра!

Сцена III.

Въ одной изъ свѣтленькихъ избъ въ волости, на диванѣ, за столомъ, накрытымъ скатертью деревенской работы, за самоваромъ сидитъ исправникъ, рядомъ съ нимъ санитаръ, командированный изъ губернскаго города. На столѣ вынутый изъ ларца графинъ рому, масса бубликовъ и начатый пирогъ съ рыбой.

Идетъ! подзадориваетъ исправникъ, тасуя карты.

Санитаръ задумчиво открываетъ одну изъ картъ, разбросанныхъ на столѣ крапомъ вверхъ.

— Идетъ—дама трефъ!

Въ углу топчется старшина въ большущихъ пимахъ, онъ обтираетъ потъ—видно, что „взопрѣлъ“.

Исправникъ мечетъ карты и говоритъ.

— Такъ помни же, Никита, прежде всего около Шарбарихи карантинъ, около Юрзиной карантинъ, и чтобы ни скотины, ни кожи, ни сала, ничего не пропускать! Дама бита! талію продолжаю...

— Идетъ—уголь!

— Ваше высокородіе, намъ этотъ „карматинъ“ не въ трудъ, пыхтѣлъ старшинъ,—ельнику у насъ хватить, и если кого проучить, то и прутевѣ найдемъ. Только позвольте доложить—ни черезъ Шарбариху, ни черезъ Юрзину скота не гонять, а гонять его, значить, мимо насъ прямо степью...

— Не разсуждать! Главное—не разсуждать! не твоего ума дѣло. Взята! начинаю талію!.. Помни одно—около Юрзиной за поскотиной поставить людей, палую скотину сжигать безъ остатка. Проѣзжихъ останавливать, кожи, сало, мясо

осматривать, подстилку, сѣно все въ костеръ. Дана! Ха-ха-ха! начинаю новую талію!..

— Десятка!

— Слышишь, Никита, все въ костеръ!

— Слушаю, ваше высокородіе, только позвольте доложить — если Кузьма Демьяновъ будетъ эту самую скотину въ оврагъ кидать, то этотъ „карматинъ“ все единственно...

— Не разсуждать! Не раз-суж-дать! Что тебѣ Кузьма Демьяновъ! Десятка дана! начинаю талію!

— Ва-банк!

— Таперь, ваше высокородіе, если эту скотину жарить, то въ котлѣ ли ее прикажите?..

— Не разсуждать! Не мудрствовать! Маршъ!..

Сцена IV.

На дорогѣ подъ Юрзиной версты за три отъ деревни среди снѣгомъ замеченной дороги стояла около дровней толпа мужиковъ въ дохахъ. Кругомъ виднѣлись изъ сугробовъ закуржавѣвшіе кустарники, голая плакучая береза еще унылѣе свѣсила плети вѣтвей, какъ опущенныя руки. Морозъ крѣпчалъ, было за 35°. Мужики хлопали рукавицами и стѣгами подсобляли привезшему работнику свалить трупъ оконченѣвшей скотины въ костеръ. Трое мужиковъ кидали охапки хворосту и пней, но костеръ туго разгорался въ снѣгу.

— Навали еще, тащи валежнику! Вали, вали! раздавалось кругомъ.

— А яму говорю — „карматинъ“, ваше высокородіе, намъ не въ тягость, сообщалъ тутъ же старшина окружающимъ общественникамъ, только я яму говорю, если Кузьмы Демьянова вы не ограничите, чтобы онъ свою палую скотину зря не кидаль... А онъ мнѣ на то — не твое дѣло! молчать! Кузьмѣ Демьянову, говорить, такая „талія“ дана — значитъ „взято“. Поминаль „десятку“. Только я думаю, какая десятка! Кузьма Демьяновъ и больше можетъ.

Старшина видимо мѣшалъ инструкцію съ терминами мѣстнаго санитарнаго сѣзда.

— Никита Спиридоничъ, знаешь что?

— Что?

— А вѣдь намъ падалъ эту не сжечь, вѣдь она мерзлая. Мотри, сколько охабокъ спалили, а у нея, какъ у поросенка, только шерсть палимъ. Ей ничаво не дѣлается, вѣдь морозъ! говорилъ ассистентъ.

— Думалъ я, братцы, и объ этомъ. Да ничего не подѣлаешь. Жарь, говорить, и конецъ! Надо жарить, а я поѣду докладывать!

Старшина уѣхалъ. Мужики сѣли около костра и начали бесѣдовать, сколько скотины жарить придется, а такъ какъ всю пережарить ее невозможно, то рѣшили, что тутъ и труда прилагать не стоитъ. Вечерѣло. Морозъ крѣпчалъ. Въ воздухѣ носился смрадь гари. Три дежурныхъ десятскихъ лѣниво перевертывали изрѣдка огромную законченную тушу павшей скотины, положенную на костеръ.

— То есть, братецъ, ни боже мой этой падали не дѣлается. Только закоптили ее!

— Да ничего и не будетъ — ее въ недѣлю не сжаришь, чортъ ей сдѣлается на морозѣ!

Раздался звонокъ. Мужики встали и начали подкладывать огонь.

Показалась закуржавѣвшая кибитка, ее придержали близъ костра.

— Богъ на помочь, добрые люди! Что это вы дѣлаете? спросила высунувшаяся голова проѣзжаго изъ мѣховаго воротника.

— Скотину жаримъ!

— Куда же вы ее жарите!

— Не можемъ знать! Исправникъ приказалъ... Вѣрно, какъ сжаримъ, такъ падежъ окончится, а вотъ съ ранняго утра жаримъ, а толку нѣтъ — не жарится на морозѣ то, хоть бы што ей!

— Немудрено! Да что же это вздумалось, развѣ помогаетъ отъ падежа?..

— А Богъ его знаетъ. Приказъ такой! Прежде мы бывало молебень, а нынче вышло жарить, да вотъ и сжарь ее теперь!

— Ну жарьте, на здоровье! Трогай!

— Эхъ, вы, милыя! динь, динь, динь.. тройка исчезла въ морозномъ туманѣ.

Сцена V.

На дорогѣ близъ Шарабарихи стоялъ сложенный изъ сосенъ и елей балаганъ. Около него ходилъ въ мохнатомъ ергаки и шапкѣ Вавило, мужикъ — гигантъ съ огромной дубиной. Здѣсь былъ „карантинъ“.

— Михѣйко! крикнулъ Вавило. Изъ балагана показался мальчишко въ полушубкѣ и зипунѣ, завязанный до ушей рванымъ платкомъ. — Михѣйко, подбавь хворосту — тухнетъ, сказалъ гигантъ, да мотри, кто покажется, гаркай (кричи), а я пойду въ балаганъ. Ишь сиверко то задуваетъ...

Гдѣ то заскрипѣли полозья. Маленькая, вся въ бѣлыхъ мохрахъ, какъ въ пуху, лошаденка везла дровни, въ которыхъ качался плотный мужикъ, завернувшійся въ крытый тулупъ покроя торговцевъ.

— Стой! раздалось около балагана. И гигантъ съ дубиной сталъ поперегъ дороги. Стой! Что везешь?

— Это, что за спросъ?

— А вотъ тебѣ и спросъ. Кажи прежде, что везешь?!...

— Да ты что, соловей разбойникъ што-ли? Какое ты полное право имѣешь? Припасъ везу!

— Припасъ! Какой? Куда везешь? Здѣсь карматинъ!

— Какой карматинъ! Припасъ, до васъ не касается, не краденное! Къ Ермилу по заказу масла двадцать четыре фунта, свѣчей два пуда маканыхъ. Что вамъ!

— Михѣйко, подсыпка хворосту!

Это что? Куда вы?! Разбой! Свѣчи!

— Михѣйко, вали все въ костеръ!!

Нѣтъ, стой! Свѣчи то!!

— Вали, вали! я подержу его, и гигантъ облапилъ торговца. Костеръ вспыхнулъ живымъ и яркимъ пламенемъ, припасъ исчезъ на очистительномъ жертвенникѣ санитарнаго дѣла.

— Ребята, сюда! командовалъ Вавило: изъ балагана вылѣзли еще два гиганта, завязалась борьба.

— За бороду! нѣтъ, стой! Бей его по сусаламъ!

— Караулъ! Свѣчи!

— Карматинъ! Мы тебѣ покажемъ! Въ шею его! накладывай!

— Свѣчи! Караулъ!..

Прошло часа два послѣ того, какъ очистительный санитарный костеръ поглотилъ масло и свѣчи. Жертвенникъ по-

тухаль безъ пищи. Вдругъ показались на дорогѣ еще сани. Маленькій мальчишка правилъ исхудалою лошадежкой; въ саняхъ, сгорбившись, сидѣла старуха.

— Стой! раздалось на карантинѣ. Что везешь?

— Бабушку къ знахаркѣ! отвѣчалъ недоумѣвающий мальчуганъ.

— А припасъ есть?

— Какой припасъ, батюшка, кромѣ сѣна въ саняхъ, ничего!

— Сѣно! Ладно! Ну, выходи старуха—подстилку надо изъподъ тебя сжечь! Михѣйко, вали сѣно въ костеръ!

— Батюшки, за что же это? Сѣно то вѣдь на кормъ лошадекъ припасено, да и мнѣ, убогому человѣку, на немъ было теплѣе, третью недѣлю маюсь болѣстью. Кормильцы!

— Приказано, бабушка! Падежь въ деревнѣ, ты въ сѣнѣ то заразу завезешь,—все жечь приказано. Вали, Михѣйка! Костеръ всныхнулъ на одну минуту ярче.

— Кормильцы! зачѣмъ же я падежь привезу? Отродясь я такимъ дѣломъ не занималась! вопіяла старуха.

— Дяденька Вавило! если бы почаще свѣчей, лихо даве ихъ на кострѣ то подхватило, говорилъ оковенѣвшій отъ холода Михѣйка, сидя на корточкахъ.

ЭПИЛОГЪ.

А въ Юрзиной, въ Шарабарихѣ, за Юрзиной и за Шарабарихой скотъ валился, да валился. Въ одной обездоленной избѣ сидѣла семья. Сегодня пала послѣдняя скотина въ домѣ, послѣдняя и въ деревнѣ. Какое то мрачное, похоронное настроеніе лежало на большихъ и малыхъ. Лица были угрюмы. Худая женщина съ впалую, изсохшей грудью сидѣла, прислонясь къ печкѣ. Глаза ея неподвижны, почти безумны. Никто не могъ проронить слова—все было подавлено какимъ то страшнымъ будущимъ, которое напрасно было представлять, оно стояло у порога. Если герой графа Толстаго въ романѣ „Анна Каренина“ чувствительный Вронскій могъ оплакивать любимого скакуна, то что же долженъ чувствовать крестьянинъ, когда у него падаетъ любимое, вскормленное имъ животное, его кормилецъ, отъ котораго зависитъ все—трудъ, благосостояніе, жизнь семьи?...

Я не забуду одной сцены. Бродя случайно въ полѣ, разъ въ кустахъ я услышалъ раздражающій крикъ. Это кричалъ мальчикъ, я кинулся къ нему, думалъ, что его ужалила змѣя. Онъ бѣжалъ и вопилъ, какъ сумасшедшій. Когда я его остановилъ, на немъ лица не было: ужасъ, страхъ, отчаяніе отражались на немъ.

— Что съ тобою сдѣлалось? схватилъ я ребенка за руку.

— Баринъ, батюшко! лошадь на пашнѣ пала, боронилъ съ нею, пала и подыхаетъ. Батюшки!... слезы лились по дѣтскому лицу.

— Ну что-жъ! вѣдь ты невиноватъ, вѣрно, лошадь больна была. Мнѣ представилось, что мальчикъ пугался ответственности, страшился старшихъ.

— Да вѣдь она у насъ была одна, одна! вырвалось у ребенка, и онъ зарыдалъ страшно, судорожно. Я понялъ, что здѣсь была потрясающая драма, судьба семьи, отразившаяся даже въ сердцѣ младенца. А тутъ цѣлый сонмъ деревень, цѣлое море горя, слезъ, отчаянія!...

И все таки вичего не подѣлаешь!

Сибирскій Юмористъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Въ Америкѣ, въ городѣ Цинциннати нѣсколько дней сряду происходили безпорядки. Населеніе города давно уже раздражалось противъ мѣстнаго суда, дававшего сравнительно мягкіе приговоры по дѣламъ объ убійствѣ и грабежахъ, число которыхъ размножилось. На прошедшей недѣлѣ судъ разбиралъ дѣло убійцы Бернера, призналъ его виновнымъ въ совершеніи преступленія и приговорилъ къ тюремному заключенію на 20 лѣтъ. Жители, ожидавшіе рѣшенія: „смерть за смерть“, созвали „митингъ негодованія“, куда собралось до 10,000 человѣкъ и послѣ совѣщанія двинулись всею массою къ зданію тюрьмы, намѣреваясь казнить Бернера самосудомъ. Полиціи и войскамъ приказано было защищать тюрьму, и тутъ въ теченіе нѣсколькихъ дней происходили схватки, во время которыхъ многіе заплатились жизнью. Въ концѣ концовъ безпорядки были прекращены войсками. Бернеръ же былъ перевезенъ тайно въ тюрьму другого города. На одной изъ станцій желѣзной дороги онъ былъ узнавъ населеніемъ, и только случай помогъ ему укрыться и спастись отъ толпы, готовой растерзать его.

— Въ Австро-Венгріи безпорядки не прекращаются. Только что генераль Appelъ, командующій войсками въ Босніи и Герцоговинѣ, выхлопоталъ сокращеніе оккупационныхъ войскъ на 5,000 человѣкъ и въ Вѣнѣ увѣрили на счетъ спокойствія въ названныхъ провинціяхъ, какъ произошли новые безпорядки. Въ угольныхъ коняхъ Сальго-Тарьянѣ произошла стачка 800 человѣкъ рабочихъ, которые разграбили провіантскій магазинъ и чуть не убили управляющаго. Въ связи съ этимъ движеніемъ произошли аресты въ Пештѣ. Открытъ исполнительный комитетъ, находившійся въ сношеніяхъ съ социалистическими комитетами другихъ государствъ. Арестованы редакторы либеральныхъ газетъ: Шефферъ, редакторъ газеты „Радикалъ“, Мартинъ Русъ, редакторъ „Народной Воли“, Степанъ Гакманъ, распространявшій газету анархиста Моста. Въ скоромъ времени въ Австріи будетъ слушаться грандіозный анархическій процессъ. Нѣкоторые изъ арестованныхъ уже судились за пропаганду среди рабочихъ. Крестьяне многихъ мѣстностей подали петицію вѣнскому правительству, умоляя о защитѣ ихъ отъ эксплоатаціи еврейскихъ ростовщиковъ и земледѣльцевъ и требуя пересмотра конституціи, въ смыслѣ допущенія большаго участія крестьянъ въ управленіи страной и изданія законовъ, ограждающихъ ихъ интересы.

— Судъ надъ министерствомъ въ Норвегіи, какъ извѣстно, оконченъ. Изъ всѣхъ лицъ, приговоренныхъ къ большей или меньшей карѣ закона, выдается министръ Фохтъ, тѣмъ, что въ прежнее время онъ былъ депутатомъ радикальной партіи города Берина; былъ предсѣдателемъ лагтинга, а затѣмъ предсѣдателемъ стортинга въ 1865 году. Сдѣлавшись министромъ, Фохтъ измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ. Составилось новое министерство, но направленіе его пока не извѣстно.

— Въ Египтѣ не произошло ничего выдающагося. Генераль Граамъ, не нанеся существеннаго пораженія Осману-Дигмѣ, отступилъ въ Суакимъ, вслѣдствіе того, что началась невыносимая жара и солдаты падали отъ солнечнаго удара. Генераль Гордонъ сдѣлалъ вылазку, но былъ разбитъ войсками Магди, вслѣдствіе чего заперся вновь въ Хартумѣ.

— Англійская печать возвѣщаетъ, что положеніе Гордона не опасно, такъ какъ въ его распоряженіи имѣется 5,000 солдатъ, 10 пароходовъ и запасъ провіанта на полгода. Дальнѣйшей помощи въ видѣ войскъ Англія не намѣрена посылать Гордону и вообще въ Египетъ. Англійское министерство очевидно находится въ затрудненіи, оппозиція этимъ пользуется. Высшее англійское общество облечено въ трауръ, по случаю кончины герцога Альбани, сына королевы Викторіи, народъ же слѣдитъ за проведеніемъ въ парла-

ментъ билля объ избирательной реформѣ, увеличивающаго число избирателей на два милліона. Оппозиція требуетъ, чтобы правительство подробнѣ выяснило планъ предполагаемой реформы и, одновременно съ расширеніемъ избирательнаго права, предложило планъ новаго распредѣленія избирательныхъ округовъ.

— Во Франціи также волнуетъ вопросъ объ измѣненіи конституціи. Жюль Ферри однако еще не внесъ общаго проекта. Палата депутатовъ обсуждала недавно вопросъ о Мадагаскарѣ и большинствомъ 450 голосовъ противъ 32 приняла резолюцію, направленную къ „поддержанію всѣхъ правъ Франціи“, по отношенію къ этому острову. Жюль Ферри говорилъ о ненужности завоеванія всего Мадагаскара, на которое потребовалась бы масса тяжелыхъ усилий, затратъ и потерь. По его мнѣнію, слѣдуетъ довольствоваться признаніемъ голосами протектората Франціи надъ сѣверо-западною частью острова и правъ французовъ на приобрѣтеніе земельной собственности на всей территоріи острова, права, предоставленнаго другимъ національностямъ.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Государственнаго совѣта, по словамъ „Новаго Времени“, будетъ обсуждаться столь существенный для дальнѣйшаго развитія нашего крайняго Востока вопросъ о выдѣленіи изъ Восточной Сибири особаго, Приамурскаго, генераль-губернаторства. Административнымъ центромъ вновь образуемой части государства предложено избрать городъ Благовѣщенскъ на рѣкѣ Амурѣ.

— Въ Правительственныхъ распоряженіяхъ сообщено: уволенъ, по генеральному штабу, военный губернаторъ Забайкальской области, управляющій въ оной гражданскою частью и наказный атаманъ забайкальскаго казачьяго войска, генераль-майоръ Ильяшевичъ, согласно прошенію его, по разстроенному здоровью, отъ наслоящихся должностей, съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и съ оставленіемъ по генеральному штабу.

— Уволенъ въ отпускъ, по генеральному штабу, членъ военнаго совѣта, генераль-лейтенантъ Черняевъ — по разстроенному здоровью, за границу, на четыре мѣсяца.

— Телеграфъ принесъ намъ извѣстіе о смерти Григорія Ефимовича Щуровскаго, профессора минералогіи и геогнозіи въ московскомъ университетѣ. Григорій Ефимовичъ родился въ 1803 г., въ 1822 г. поступилъ въ московскій университетъ и при этомъ университетѣ получилъ послѣдовательно всѣ ученыя степени по медицинскому факультету. Съ 1832 г. началась учебная преподавательская дѣятельность покойнаго и неустанно продолжалась съ успѣхомъ вплоть до самой кончины. Г. Е. былъ деканомъ физико-математическаго отдѣленія и оставилъ много специальныхъ трудовъ по минералогіи и геологіи и въ ученой журналистикѣ. Когда то Щуровскій совершилъ геологическое путешествіе на Алтай, и имя его связано съ Сибирью. Московскій университетъ торжественно схоронилъ извѣстнаго ученаго.

— По словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, на разсмотрѣніе правительства поступили записки, составленныя особою комиссіей при Степномъ генераль-губернаторѣ объ устройствѣ судебной и земской части въ областяхъ Степнаго генераль-губернаторства. Въ составленныхъ по сему предмету запискахъ предполагается, въ видѣ переходной мѣры, ввести въ областяхъ: Акмолинской, Семирѣченской и Семипалатинской какъ институтъ мировыхъ судей, такъ и соединенныя палаты уголовнаго и гражданскаго суда. Введеніе новыхъ судебныхъ учрежденій предложено произвести не ранѣе 1885 года и притомъ реформу признается возможнымъ ввести не цѣликомъ, согласно уставамъ 20 ноября 1865 года, а со значительными ограниченіями.

— Въ Петербургѣ получена телеграмма изъ Асхабада, сообщающая, что торговля между Асхабадомъ и Мервомъ быстро растетъ и обмѣнъ продуктовъ принимаетъ все боль-

шіе размѣры. Въ телеграммѣ значится также, что многіе жители Мервскаго оазиса нанимаются на работу къ русскимъ.

— Изъ Ташкента телеграфируютъ въ „Times“, что научная экспедиція подъ начальствомъ естествоиспытателя Регеля выѣхала въ Бухару, откуда двинется къ Памирскому плоскогорію и дойдетъ до Кашгарской границы. Въ этой экспедиціи принимаетъ участіе астрономъ Шварцъ.

— Въ четвергъ, 22-го марта, открылась годичная выставка академіи художествъ.

— Въ городѣ Барнаулѣ Высочайше разрѣшено учрежденіе приюта на пожертвованіе г-жи Судовской. Приютъ проектированъ на 10 дѣвочекъ.

— „Московскія Вѣдомости“ по поводу празднованія приѣзда въ Петербургъ Шпильгагена высказали въ рѣзкой формѣ порицаніе петербургской думѣ и, припомнивъ вопросъ о принятіи похоронъ Тургенева на общественный счетъ, произвели нападеніе на рѣшеніе сената, будто бы признавашаго права думы.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ нынѣ по этому поводу помѣщено слѣдующее опроверженіе: „Сообщенныя „Московскими Вѣдомостями“ свѣдѣнія невѣрны. Во 1-хъ, правительствующимъ сенатомъ не постановлено окончательнаго рѣшенія по дѣлу, о которомъ говорится въ № 80 „Московскихъ Вѣдомостей“. Во 2-хъ, проектъ опредѣленія перваго департамента правительствующаго сената по сему дѣлу, подлежа еще дальнѣйшему обсужденію въ установленномъ порядкѣ, вовсе не содержитъ въ себѣ тѣхъ соображеній и разсужденій, которыя приведены въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“.

— По поводу извѣстной рѣчи оберъ-прокурора Неклюдова, напавшей на защиту въ судѣ, помѣстили коллективное письмо извѣстныхъ юристовъ и адвокатовъ Стасовъ, Арсеньевъ, Спасовичъ, Унковскій и Люстихъ. По поводу правъ защиты въ этомъ письмѣ сказано: „Предписывать ей планъ дѣйствій, внушать ей, какое должно быть ея содержаніе, равносильно уничтоженію ея свободы, наложенію на нее кандаловъ. Останется отъ нея только декорация, въ дѣйствительности органъ будетъ атрофированъ, а отъ его безсилія самъ судебный организмъ сдѣлается хромающимъ и увѣчнымъ. Большая часть председательствующихъ останутся, можетъ быть, вѣрными прежнимъ лучшимъ преданіямъ и не станутъ брать защиту въ тиски, но будутъ, конечно, и такіе, которые захотятъ изьяснять законы, прямо не относящіеся къ винѣ подсудимаго, и ослабить соображеніями степень преступности судимаго дѣянія и изображать зависимость преступленія отъ условій его обстановки, словомъ, превратятъ защиту въ безсодержательный обрядъ. Атрофія защиты поведетъ къ такой же атрофіи обвиненія, которое станетъ чѣмъ-то дѣловымъ и крайне сухимъ“.

О дѣятельности г. Неклюдова, какъ ученаго, письмо говоритъ: „Со времени изданія въ 1865 г. г. Неклюдовымъ книжки, которою началъ онъ свою ученую карьеру — „Уголовно-статистическіе этюды“ — онъ значительно, повидимому, измѣнился въ своихъ социологическихъ убѣжденіяхъ. Къ этюдамъ были приложены тезисы, изъ коихъ въ послѣднемъ, 12-мъ приводилась слѣдующая мысль: силы организма находятся въ скрытомъ состояніи и могутъ стать живыми силами, то есть быть вызваны къ дѣйствительности внѣшними условіями, изъ чего и выводилось заключеніе, что, вліяя на внѣшнія условія, политика государства можетъ придать силамъ организма какой угодно характеръ, то есть изъ находящихся въ скрытомъ состояніи сдѣлать ихъ живыми. Нынешняя политика г. Неклюдова по судебному вопросу направлена, повидимому, къ тому, чтобы, вопреки того, извѣстную долю живыхъ силъ перевести въ скрытое состояніе“.

— Вопросъ объ амурскомъ генераль-губернаторствѣ на столько близокъ къ разрѣшенію, что въ Петербургѣ называютъ уже фамиліи изъ претендующихъ на выдающіеся въ области посты. Какъ очень часто водится въ подобныхъ случаяхъ, называютъ совершенно неправдоподобныя имена. Такъ на видную должность правителя дѣлъ въ канцеляріи,

говорять, мѣтить, одно лицо, пользующееся извѣстностью на Амурѣ и въ Восточной Сибири игрою въ карты, аферами и неоплатными долгами. На Амурѣ его встрѣтитъ немало кредиторовъ. Этотъ кандидатъ, пожалуй, можетъ имѣть успѣхъ въ виду того, что нѣкоторые протезирующие ему лица стараются сбыть отяготительнаго пенсионера.

— 24 марта послѣдовало слѣдующее распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ. „Принимая въ соображеніе, что „Газета А. Гатцука“ обнаруживаетъ несомнѣнно вредное направленіе, выразившееся, между прочимъ, съ особенной рѣзкостью въ статьяхъ подъ заглавіями: „Россия“, въ № 1, „Замѣтки москвича“, въ № 2, и „Замѣтки неизвѣстнаго“, въ №№ 9, 10 и 11,—министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 50 приложен. къ ст. 4 (примѣч.) уст. ценз. св. зак. т. XIV, по продолж. 1876 года, и согласно заключенію совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить этой газетѣ первое предостереженіе, въ лицѣ издателя-редактора коллежскаго секретаря Алексѣя Гатцука“.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу номеровъ газеты „Современныя Извѣстія“, воспрещенную распоряженіемъ отъ 10 сего марта.

— 20 марта, корветъ „Скобелевъ“ прибылъ въ Гонконгъ. На корветѣ „Скобелевъ“, какъ извѣстно, находится экспедиція г. Потанина.

— Московскій окружный судъ и судебная палата опредѣлили было прекратить дѣло о нанесеніи ранъ издателю „Русскаго Курьера“ Ланину, подведя виновнаго подъ манифестъ. Ланинъ принесъ жалобу, и кассационный департаментъ отмѣнилъ опредѣленіе судебной палаты.

— Изъ Уфы телеграфируютъ, что 25 марта прибылъ туда изъ Якутска епископъ Діонисій и былъ встрѣченъ властями и многочисленною публикой. Епископъ произнесъ въ кафедральномъ соборѣ прочувствованное слово.

— Отдѣленіе одесской судебной палаты разсматривало вт. Елисаветградѣ дѣло тамошняго почтмейстера Яковенко, обвинявшагося въ растратѣ до 40 тыс. руб. На основаніи обвинительнаго вердикта присяжныхъ, палата, какъ видно изъ мѣстныхъ газетъ, приговорила Яковенко къ лишенію правъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь, срокомъ на 15 лѣтъ.

— Изъ Тифлиса, 20 марта, телеграмма сообщаетъ, что тамъ объявлена резолюція судебной палаты по дѣлу землемѣра Марданова, длившемуся 12 дней. Мардановъ, обвиненный въ полученіи путемъ вымогательства денегъ съ сельскихъ обществъ, приговоренъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, причемъ рѣшено взыскать съ него въ пользу приказа общественнаго призрѣнія 5 778 р.

— Изъ Казани телеграфируютъ, что тамъ застрѣлилась вдова бывшаго прокурора Ольдекопа.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Краткія торговыя свѣдѣнія о ирбитской ярмаркѣ 1884 гсда.

Мануфактурныхъ товаровъ въ привозѣ было значительно меньше прошлогодней ярмарки и цѣны на нихъ состоялись нѣсколько ниже нижегородской ярмарки, но и при этихъ благоприятныхъ для покупателя условіяхъ торговля мануфактурными товарами въ общемъ была весьма плохая и исключеніемъ изъ этого представляется незначительное число крупныхъ фирмъ. Большее требованіе изъ мануфактурныхъ товаровъ было лишь на высокіе сорта ситцевъ. Отсрочки по старымъ платежамъ были нынѣ въ значительныхъ размѣрахъ. На такой исходъ торговли имѣли вліяніе неблагоприятныя экономическія условія Западной Сибири, какъ-то: посредственный урожай хлѣбовъ и крупныя скотскія падежи, бывшіе въ минувшемъ году. Нѣкоторое оживленіе на торговлю оказала Восточная Сибирь, преимущественно енисей-

ская губернія, покупавшая товаровъ болѣе, чѣмъ въ прошедшую ярмарку, но и при этомъ общій ходъ торговли мануфактурными товарами оказался плохимъ.

Пушнина. Количество бѣлки, бывшей въ нынѣшнюю ярмарку, было болѣе прошлогодняго и простиралось до 2.800,000, каковое количество къ 20-му февраля и было продано безъ остатка. Бійской съ хвостомъ до 100,000 отъ 20 до 21 к.; кузнецкой 50,000 по 22 к.; зырянки 225,000 по 13 и 13¹/₄ к.; обской 50,000 по 15 и 16 к.; енисейской до 1.000,000 по 17 и 17¹/₂ к.; ленской 900,000 отъ 17 до 18¹/₂ к.; тункинской до 100,000 по 23—24 к.; забайкальской 50,000 по 27 к.; нерчинской 40,000 по 30—31¹/₂ к.; подгородней и якутской 300,000 по 25—25¹/₂ к. Бѣличій хвостъ былъ въ большемъ требованіи. Енисейскій продавали отъ 120 до 125 руб. за пудъ; ленскій отъ 130 до 150 р.; обскій 140 р.; а самый черный, котораго въ привозѣ было ничтожное количество, проданъ дороже 300 руб. за пудъ. Горностаея въ привозѣ было до 80,000. Требованіе было слабое. Продавали: якутскій 7—8 к. и ишимскій отъ 15 до 20 к. На выдру и бобра никогда еще такого слабаго спроса не было, какъ въ нынѣшнюю ярмарку. Бывшіе покупатели этой пушнины, ташкентцы и инородцы семипалатинскаго, петропавловскаго и троицкаго округовъ нынѣ на ярмаркѣ почти отсутствовали. Зайчины въ привозѣ было до 1.500,000, продана вся отъ 18 до 21 к.; кошки до 100,000, чернаго и голубаго цвѣта продавали по 40 к.; сурка до 700,000, проданъ весь по 9—10 к.; колонка разнаго до 30.000 отъ 1 р. 70 к. до 1 р. 90 к.; лисицы: алой мягкой 5,000 отъ 4 р. 75 к. до 5 р.; бійской 3,000 отъ 4 р. 50 к. до 5 р.; семипалатинской 4,000 по 3—3 р. 10 к.; сиводушки якутской 1,000 отъ 14 до 16 р.; енисейской 300 шт. отъ 10 до 12 р.; разной сборки отъ 10 до 15 р.; черной было ничтожное количество, отъ 50 до 100 р.; песца бѣлаго съ хвостомъ и передними лапами 2,000 отъ 3 до 3 р. 50 к.; обдорскаго безъ хвоста и лапъ съ недопекомъ 5,000 отъ 2 р. 50 к. до 2 р. 70 к.; крестоватики 5,000 отъ 1 до 1 р. 30 к.; голубаго отъ 15 до 20 р.; недопеска и синяка 2,000 отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 80 к. На соболя требованіе было лишь на самыя лучшіе сорта, которыхъ въ привозѣ почти не было. Средніе и низкіе соболя были въ слабомъ спросѣ и цѣны на нихъ состоялись весьма не дорогіе. Иртышскій соболь продали отъ 5 до 6 р. 50 к., а енисейскій отъ 6 до 9 р.; струя кабарговая свѣжая продавалась отъ 4 до 4 р. 50 к. штука.

Изъ сибирскихъ товаровъ прошли весьма удовлетворительно: масло, сало, войскъ, волосъ, щетина, а также и кожа, въ особенности сухая яловая. Продавали: масло отъ 9 р. до 9 30 к.; сало скотское 5 р. 30 к. и баранье 5 р., волосъ 30—31 р.; щетина отъ 40 до 55 р., а отборная 100—120 р., воскъ желтый 18 р. 50 к. и бѣлый 22 р. за пудъ.

Меду въ привозѣ было незначительное количество. Продавали отъ 7 р. до 8 р. 25 к. Орѣха въ привозѣ было также незначительное количество. Бійскій орѣхъ лучшіе сорта продавали 3 р. 70 к., а низшіе 3 р. и туринскій 2 р. 30 к. за пудъ. На низшіе сорта требованіе былъ слабое.

Чай. Чаю байховаго въ привозѣ было болѣе прошлогодняго. Всего было привезено до 43,000 ящиковъ. Хотя стоимость привоза была выше прошедшаго года отъ 5 до 6 р. въ ящикѣ, но цѣны состоялись даже ниже прошлогоднихъ. Кирпичнаго чернаго чая въ привозѣ было до 15,000 ящиковъ. На кирпичные чаи въ началѣ ярмарки цѣны состоялись не высокія и высшіе сорта этого чая продавали по 64 р., но затѣмъ по этой цѣнѣ продавались уже низшіе сорта, высшіе сорта были дороже, отъ 3 до 4 р. въ ящикѣ.

Сахаръ. Привозъ сахара простирался до 80,000 пуд., продавали отъ 8 р. 50 к. до 9 р. 20 к.

Провозы въ Сибирь. Верхнеудинскъ, скорымъ срокомъ, до 5 р. 50 к. съ пуда; Иркутскъ отъ 4 р. 30 к. до 4 р. 60 к.; Томскъ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к.; Томскъ водою отъ 18 до 25 коп.

Банковъ и учетъ. Государственнаго банка 6—6¹/₂‰; частныхъ 7—7¹/₂‰.